среда, 5 мая 2010 г.
Молчанова: molchanova57@yahoo.com

Глава 1.

Лермонты –Лермонтовы Галичского уезда, Чухломской осады.

Часть 1. Георг Лермонт.

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Чтó там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых…
Александр Блок, 1910

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю - за что, не знаю сам -
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.
Михаил Лермонтов, 1841

Если современный бизнесмен от кого-то услышит, что, например, Роман Абрамович купил земли в Чухломском или в Галичском районе, то вероятно очень удивиться и спросит, что это за чухня такая (чушь, ерунда, вранье – словарь молодежного сленга, 2010), имея в виду, что если и существует такой Чухломской район, то это беспросветное захолустье. Но он будет не прав уже в том, что связывает эти слова по звучанию. Название города Чухлома и Чухломского озера происходят от слова чудь — собирательного названия всех финно-угорских племен, которые с доисторических времен населяли север современной России, которому не чужды современные олигархи. Согласитесь, «чудь» звучит и благозвучно и романтично, почти как «чудо».

Что же это за край такой Чухломской и Галичский, о котором современное поколение, возможно, только слышало, как о небольшом провинциальном городке Галиче, где много полуразрушенных церквей? И почему это Лермонтовский род так гордится своим происхождение из этого лесистого края, где в 1621 году согласно поместному приказу царя Михаила Федоровича, первого Романова, получил земли за верную службу государству Московскому шотландец Георг Лермонт – основатель рода Лермонтовых?

Галичские земли лежат в Заволжском крае. В первом тысячелетии новой эры в лесном Заволжье и в восточной части междуречья Волги и Оки обитали финно-угорские племена чудь и меря. Они же обитали и на берегах Галичского и Чухломского, тогда «Чудского» озера. Начиная с IX века в мерянскую землю стали заселять славянские племена, в основном из Новгорода и Смоленска, возможно из Киева. Предприимчивых новгородцев привлекали богатые пушниной леса, окружавшие поселения Чуди и Мери, а вместе со своими товарами несли они местным жителям и элементы христианского учения.

На берегу двух озер и возникли два славянских город Галич и Чухлома. В отличие от южного Галича, расположенного на Днестре, летописцы назвали его Галичем Мерьским, то есть находящимся на мерянской земле. О времени основания Галича и Чухломы точных данных не сохранилось. Известный русский историк В. Н. Татищев писал, что первые упоминания о Галиче Мерьском в летописях стали встречать с княжения Юрия Долгорукого, то есть с середины XII века. Годом основания г. Чухломы на южном брегу Чухломского озера считается 1381 год. Чухлома входила в состав Галицкого княжества, потом Галичского уезда и рассматривалась до конца девятнадцатого века как уездный город. На древних картах России (1648 г.) вы обязательно найдете г. Чухлому и г. Галич, но можете не найти Кострому.

Большинство историков сходится на мнении, что в 1238 году к стенам Галича приблизился один из отрядов Батыя, крепость не сдалась, но посад и прилегающие поселения были разграблены и сожжены. Разорив окрестности города и обложив население данью, захватчики ушли и, по-видимому, долго не заглядывали в этот глухой лесной край. Жизнь здесь в то тревожное время шла спокойнее и безопаснее, чем в других местах, и сюда приходили люди искать спасения от вражеских наездов.

Уже через несколько лет после разорения татарами Галич оказался значительнее Костромы и Москвы. Великий князь владимирский Ярослав Всеволодович (1191-1246),

отправляясь в Орду и не надеясь вернуться оттуда, завещал Галич среднему сыну, а Москву и Кострому – младшим сыновьям.

В те времена у великих князей существовал обычай знатные города отдавать старшим сыновьям, а менее важные – младшим. Ярослав Всеволодович не вернулся домой – он умер 30 сентября 1246 года, отравленный в Орде. Великим князем владимирским стал его брат Святослав Всеволодович, который, выполняя волю умершего, племянников своих «посади по городам, якоже бе им отец урядил Ярослав». Таким образом, в 1246 году Галич стал стольным городом удельного Галичского княжества, а его князь Константин Ярославич – родной брат Александра Невского – стал родоначальником первой династии галичских князей, правившей 117 лет.

Княжества Северо-Восточной Руси в 70-е годы XIII в.
(Кучкин В.А. «Формирование государственной территории северо-восточной Руси», 1984)

В первой половине XIV века стремительно растет, усиливается и богатеет Московское княжество. Князь московский Иван Данилович Калита (1328-1340) уже настолько разбогател, что мог умножать свои владения, скупая села, города и целые княжества. В числе городов, купленных князем Иваном Калитой, были Галич и Чухлома. Московский князь Иван Калита покупает земли и переселяет на них верных московских жителей. Не походом, а кошельком ликвидировал московский князь Галичское княжество. Однако и после этой операции в Галиче еще сидели местные князья, правившие от имени московского князя. Дальнейшая история этих мест - это бесконечные княжеские междоусобицы и татарские набеги.

Внук Ивана Калиты Великий князь московский Дмитрий Донской умер в 1389 году. Старшему сыну Василию он завещал Москву и великое княжение, а второму сыну Юрию – Звенигород, а также Галич: «А сына своего благословляю князя Юрья своего деда куплею, Галичем со всеми волостями и с селами и со всеми пошлинами», – написано в завещании Донского. Так Галич снова стал стольным городом удельного Галичского княжества, а Юрий Дмитриевич – основателем второй династии князей, которая правила Галичем около 60 лет (с 1389 по 1450 год). В XIV веке на берегу Чухломского, тогда Чудского, озера был основан небольшой Покровский монастырь, со временем превратившийся в известный и богатый Авраамиев Городецкий Монастырь.

Из памятников местной письменности XIV века до наших дней сохранилось рукописное евангелие 1357 года, известное в литературе как «Галичское евангелие». Оно хранится в Государственном Историческом музее в Москве и свидетельствует о сравнительно высоком уровне письменности и искусства книги в Галиче XIV века.

После Юрия Дмитриевича княжили его сыновья – Василий Косой, Дмитрий Красный и, наконец, Дмитрий Шемяка – последний галичский князь. Галич тогда, очевидно, занимал одно из первых мест среди городов великого княжества Московского. В Галичское княжество входила обширная территория по реке Костроме в ее верховьях, по Унже и Ветлуге, где находились богатые соляные источники, леса изобиловали зверем, а реки и озера – рыбой. «Обладая значительными материальными ресурсами и сохраняя известную обособленность политическую, Галичское княжество проявило ярко выраженный сепаратизм», – говорит историк К. В. Базилевич.

В 1425 году, когда умер великий князь московский Василий Дмитриевич и великокняжеская власть перешла к его десятилетнему сыну Василию Васильевичу, галичский князь Юрий Дмитриевич (брат умершего) отказался признать власть племянника и начал собирать против него войска. Но Москва не хотела междоусобной войны. В Галич для примирения направилось московское посольство во главе с митрополитом Фотием. Юрий Дмитриевич дал обещание «не искати княжения великого собою», а передать этот спор на решение хана. Но «суд в Орде» в 1432 году кончился не в пользу Юрия: ярлык на великое княжение хан отдал молодому Василию Васильевичу. Тогда в 1433 году галичский князь повел свои войска на Москву, и началась упорная, полная драматических эпизодов феодальная война. Она протекала с переменным успехом. Весной 1433 года Юрий занял Москву и объявил себя великим князем, но зимой следующего года уже войска князя Василия Васильевича «повоеваша и пожже» посад Галича и окрестные селенья. Новой крепости, возведенной Юрием на вершине Балчуга, им взять не удалось. Весной того же 1434 года Юрий второй раз захватил Москву, но вскоре скоропостижно скончался. После него на великое княжение настойчиво

претендовал его старший сын Василий Косой. Но, трижды потерпев поражение, он попал в плен к московскому князю и был по приказу последнего ослеплен. На этом и кончилась короткая политическая карьера Василия Косого. После нескольких лет затишья междоусобная война разгорелась с новой силой в 40-х годах XV века. На этот раз выступление реакционных феодальных сил возглавил галичский князь Дмитрий Шемяка.

В феврале1446 года он с помощью других удельных князей ночью захватил Москву. Взятого в плен московского князя Василия Васильевича по приказу Шемяки ослепили и с тех пор стали называть Темным. Однако в Москве Шемяка не удержался и отступил в Галич, а за ним двинулся со своей армией Василий Темный. В январе 1450 года у стен галичской крепости произошла последняя решающая битва. Галичский князь «стояше на горе под городом со всею силою... Воеводы же великого князя поидоша с озера к горе, опасаася понеже бе гора крута, и выправяся ис тех врагов, взыдоша на гору ипойдоша к ним... И бысть сеча зла», – говорит летописец. Битва завершилась полной победой московских полков.

Шемяка бежал в Новгород Великий, где впоследствии его отравили. Крепость на Балчуге сдалась после переговоров с Василием Темным. Многолетняя феодальная война закончилась: Галич и его земли окончательно вошли в состав московских владений под названием Галичского уезда. Позднее в Москве был создан особый приказ, называвшийся «Галицкой четью». Важнейшим историческим памятником того времени является Верхнее городище – мощные земляные валы второй галичской крепости на вершине Балчуга, сохранившиеся до сих пор.

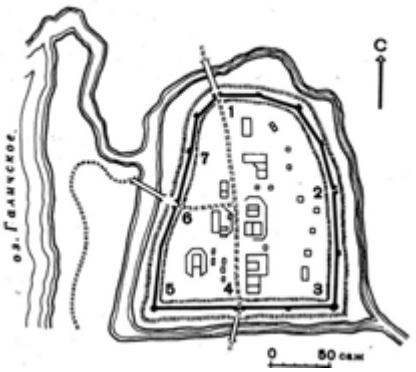


Рис. 5. Галич. План укреплений второй половины XV в. (По чертежу начала XVIII в. И описи 1628 г.). 1 - Архангельские ворота; 2 - Покровские ворота; 3 - «Глухая наугольная башня»; 4 - Успенские ворота; 5 - Шатинская башня; 6 - Афанасьевская проезжая башня; 7 - Тайнинская башня.

«Оценить стратегические таланты наших предков и почувствовать сверхчеловеческий труд, вложенный в сооружение этого памятника древнерусского инженерного искусства, можно только поднявшись на вершину городища Балчуг. Преодолевая крутизну склонов, стараешься представить на гребне оплывших от времени земляных насыпей острый частокол, подобно венцу
надетый на суровое чело города, а за ним рослых защитников в кожаных нагрудниках или кольчугах, с острым мечом и сулицой (тип копья). Сдвинув кованые шлемы на глаза, закрывшись большими щитами, ожидают они приближения несметных татарских полчищ.

Чем выше поднимаешься, тем шире открывается горизонт. Гигантской чашей, налитой до краев, лежит внизу озеро, окаймленное малахитовой каемкой берега. С двух сторон к древнему городищу прижимаются домики горожан. Слева сбилась стайка каменных зданий с железными крышами, а справа гуськом вытянулись избы, крытые тесом и лемехом (лемех - кровельный материал в виде продолговатых деревянных дощечек (обычно осиновых), служащих для покрытия куполов, барабанов, шатров зданий.. Город и Рыбная слобода смыкаются у подножия кремля, как бы по-прежнему ища защиты у его величественных валов, взметнувшихся на шестидесятиметровую высоту. На узкой прибрежной полоске, на месте Староторжья белеют постройки бывшего Николаевского монастыря. Старое торжище прижалось к южному склону земляных укреплений со стороны самой важной дороги во Владимирские земли. Скрипучие возы свозили с окрестных селений драгоценную пушнину, душистый мед, всевозможную дичь и каменное золото — соль. Изящные струги и легкие челны приставали прямо к торговой площади, предлагая переливающуюся серебром, судорожно подрагивающую живую рыбу. Настоящее переплетается с прошлым, и на фоне современного города проступают расплывчатые очертания древнего Галича Мерьского» (Тиц А.А. «На земле древнего Галича», изд-во «Искусство», Москва, 1971, стр. 10).

В годы правления князя Дмитрия Шемяки (1434-1453г.), Чухлома укрепляется и в ней сооружается крепость. Выросли двухсаженной высоты земляные валы, с самой длинной стороной (213 метров), обращенной к озеру, и короткой (113 метров), обращенной в сторону посада. Только в 2-х местах была прорезана толща земли для въезда в крепость. Деревянные крепостные стены и башни Чухломы, завершавшие земляные валы казались в то время надежной защитой от врага. Безвестный изограф на одной из древних икон чухломского Авраамиева монастыря изобразил град Чухлому, который казался ему, по сравнению с убогими деревушками, величественным и красивым, с высокими зданиями и мощными укреплениями.

Изображение «града Чухломы»
на старинной иконе (копия с фотографии Г. Я. Лебедева).
(Тиц А.А. «На земле древнего Галича», изд-во «Искусство», Москва, 1971)

«Сквозь специфику мировосприятия и иконографические традиции проступают в наивном рисунке реальные черты, позволяющие дополнить образ древнерусского города Чухломы. Приземистые башни, одной высоты со стенами, заняли места по углам крепости; между башнями, под их охраной, расположились ворота. Внутри цитадели художник нарисовал три разных башнеобразных объема. Левый, очевидно, изображает

храм, который находился в том же месте, где стоит сейчас переделанный до неузнаваемости Преображенский собор; средний ярусный объем, скорее всего, представляет дозорную вышку, столь необходимую при низких башнях, а правый, надо полагать, в образной форме запечатлел одну из повалуш — высоких, многоэтажных клетей, входивших в состав княжеских и боярских хором. Достоверность отдельных деталей рисунка подтверждается переписными книгами XVII века и археологическими данными» (Тиц А.А. «На земле древнего Галича», изд-во «Искусство», Москва, 1971).

Когда в XV веке, а именно в 1450 году, Галичское княжество, а с ним и Чухлома, вошло в состав Московского государства, Галич становится центром большого уезда. Хотя междоусобная война официально закончилась, почти за сто лет до взятия Казани в 1552 году Иваном Грозным, Чухлома как минимум ещё пятнадцать раз подвергалась нападениям. И таким образом почти раз в шесть лет люди заново отстраивали посад.

Сын Василия Темного – Иоанн Ш Васильевич (1440-1506) становится великим князем Московским в 1462 году. Он прилагает много усилий, чтобы в основном завершить объединение русских земель вокруг Москвы. Дважды подавляются заговоры и неповиновения Новгорода. В конце 80-х Иоанн III окончательно принял титул «великий князь всея Руси». Этот титул был известен еще с XIV века, но именно в эти годы стал официальным. «Государь всея Руси» обладал объемом власти и авторитетом, неизмеримо большим, чем у европейских монархов. Все население страны — от высшего боярства до последнего смерда — были подданными царя, его холопами. Отношения подданства ввела в закон Белозерская уставная грамота 1488 года. По этой грамоте все сословия были уравнены перед лицом государственной власти. Уничтожение старой удельно-княжеской системы потребовало создания нового порядка управления страной.

В конце XV века начали формироваться органы центрального управления – приказы, прямые предшественники петровских коллегий и министерств в XIX веке. В провинции главную роль стали играть наместники, назначаемые великим князем. Наместниками великого князя являлись бояре, а волостелями — служилые люди, как правило, из среды детей боярских. И те и другие по старому обычаю содержались, или, как тогда говорили «кормились», за счет населения. Первоначально «кормления» (то есть поборы в пользу наместников и волостелей) ничем не ограничивались. Вместо княжеских дружин стали полки, состоящие из помещиков, которые на время службы получали поместья, т.е. земли, приносящие им доход.

Иоанну III удалось завершить дело, завещанное его предками, - «собирание» Руси. Напряженная жизнь подошла к концу. В 1503 году случился удар. В 1504 году Иоанн Васильевич передает Кострому с Плесом и Нерехту с волостями, селами и пошлинами сыну и наследнику своему Василию Иоанновичу. 27 октября 1506 года Иоанн III скончался.

Престол наследовал его сын Василий III Иоаннович (1479 – 1534гг.). Он получил в правление 66 городов, в том числе Москву, Новгород, Тверь, Ярославль, Владимир, Кострому. Как во внешней, так и во внутренней политике он старался продолжить линию отца. Для защиты границ большого государства нужны преданные вооруженные люди. Такую опору Василий III видел в боярах и дворянах. Среди них были Юрьевы – Захарьины, предки рода Романовых: Григорий Юрьевич, воевода в походах, и Роман Юрьевич, окольничий и воевода.

Чтобы они верой и правдой служили государю, их следовало «испоместить», т.е. предоставить поместья. При Василии III эта раздача поместий приняла характер системы в рамках всего государства. Развитие поместной системы привело к появлению помещичьих усадеб во всех уголках России. Немало их стало и на костромской земле. Это поместья Годуновых, Захарьиных, Сумароковых, Вяземских, Свиньиных и т.д.

Во второй половине XV в. Галичский уезд становится опорным пунктом Москвы для борьбы с казанскими татарами и для завоевания Поволжского района. Наличие же возле Галича множества холмов и труднопроходимых лесов только увеличивало обороноспособность города. Но частые нападения татар на Галичскую землю заставили построить новые усиленные укрепления в Галиче, Чухломе, Кологриве и Ветлуге. Изменения, произошедшие в развитии русского военно-инженерного искусства во второй половине XV в., привели к необходимости построения в Галиче новой более современной крепости, т.к. старая крепость на Балчуге не годилась для эффективного применения крепостной артиллерии. Поэтому тогда сооружается уже третья по счету крепость, находящаяся сейчас в центре современного Галича. Эта крепость просуществовала до начала XVII века – нашествия поляков.

Приемником Василия Ш стал его трехлетний сын Иоанн IV Васильевич (1530-1584). До 1547 года у власти были регенты Глинские и Шуйские. Против них, как иноземцев, выступал Григорий Юрьевич Захарьин, один из предков Романовых. Уже в 1543 году Иван Васильевич проявил свой жестокий нрав по отношению к регентам-боярам, от которых немало натерпелся. Иван повелел отдать псарям Андрея Шуйского, за что получил своё прозвище – Иван Грозный. В 1546 году великий князь Иван Васильевич объявил, что хочет женится и венчаться на царство. В жены он выбрал Анастасию Романову, дочь Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Родство Ивана Грозного с Романовыми было историческим для России. Именно оно дало возможность вступить на престол Михаилу Романову в 1613 году и положить начало трехсотлетнему правлению дома Романовых в России. В 1547 году Иван Грозный венчался на царство. Царское семейство жило в любви и согласии. Анастасия родила шестерых детей, из которых выжил Федор Иоаннович (царь 1584-1598). В 1560 году царица умерла, по другим данным была отравлена.

Царство Ивана Грозного в деталях освещено в литературе, поэтому рассмотрим лишь некоторые его вехи, имеющие отношение к Костромскому краю.

Иоанн Грозный ликвидировал систему кормлений, а на содержание наместников ввел особый налог – «кормленый окуп». Вместо наместников из бояр Костромой с середины 50-х годов XVI века стали управлять губные старосты, назначавшиеся главным образом из среды поместного дворянства. Первым губным старостой в Костроме был Я. Г. Рогатый-Бестужев. Чтобы окончательно сломить сопротивление удельных князей, корыстно стремящихся к сохранению феодальной раздробленности при поддержке части крупного боярства, Иоанн Грозный в 1565 году ввел опричнину. Вся страна была разделена на две части – опричнину и земщину. Все противники царя и его политики выселялись в земщину, вотчины их конфисковались и передавались во владение опричникам. В опричнину было взято 20 городов.

Кострома, Галич, Красное, Чухлома, Унжа, Солигалич, Нерехта была взята в опричнину в начале 1567 года, и многие князья и бояре свои вотчины здесь утратили. Например, Воронцовы и Вельяминовы, потомки рода мурзы Четы, потеряли вотчины под Красным. В 1569 году последний удельный князь, двоюродный брат Иоанна IV, Владимир

Андреевич Старицкий, отправляясь на защиту Астрахани от турок, остановился в Костроме, где местная знать и духовенство оказали ему торжественную встречу. Они поддержали притязание князя на русский престол и, вероятно, вели с ним переговоры. Иоанн Грозный срочно отозвал Старицкого и заставил его вместе с детьми и женой принять яд. Потом казнил его костромских единомышленников. Восстал против опричнины и московский митрополит Филипп (родом он из Колычевых, имевших вотчины в «Сущевом стане» на костромской земле – с. Жданово с деревнями Шувалово, Жерновка). Не смирившись с царем, Филипп в 1569 году был задушен по приказу Иоанна Грозного Малютой Скуратовым. В 1570 году был казнен опричник Афанасий Вяземский, имевший некогда вотчины под Костромой и Красным. В бывших уделах была единая власть царя.

Опричнина была заключительным актом длительной борьбы за объединение русских земель вокруг Москвы. Она нанесла окончательный удар по остаткам феодальной раздробленности. В результате опричнины исчез последний оплот боярского сепаратизма. Новгород лишился своих привилегий, стерлись границы бывших удельных княжеств, на местах прежних боярских вотчин возникли дворянские поместья. Укрепилась роль дворян в управлении государством. Государство окончательно стало централизованным. Но с другой стороны, опричнина истощила страну. Кровавый разгул опричников принес гибель тысячам россиян, разорение многим городам и селам. Дворяне, получив поместья, увеличили крестьянский оброк и установили непосильную для земледельцев барщину. В конечном счете, опричнина ликвидировала политическую раздробленность, но вызвала в стране еще большее обострение противоречий. В 1572 г. Иван Грозный отменил опричнину и даже запретил под страхом наказания кнутом упоминать это ненавистное в народе слово. Опричные и земские территории, опричные и земские войска, опричные и земские служилые люди были объединены, восстановилось единство Боярской думы. Некоторые земские получили назад свои конфискованные вотчины. Опальная «земщина» опять стала называться Россией, а «кромешники» - обычными царедворцами. Многие вотчины были возвращены боярам. Лично Иоанну Грозному в Костромском крае принадлежала «Чудская волость с соседними волостями» (теперь Макарьевский уезд), сыну своему Федору в 1572 году он передал Коряковскую волость (севернее Юрьевца) и Нерехту с городами, а в 1578 году – Судиславль. Но казни продолжались и после опричнины.

Во время правления Иоанна Грозного была одержана победа над Казанским ханством. Казанцы опустошали костромские земли: районы Унжи, Парфеньева, Галича, Плеса, подступали к самой Костроме. Трижды ходил царь на Казань, и во всех походах его участвовали костромские полки. Кроме того, в 1551 году Кострома была назначена сборным местом войск во главе с князьями А.Б.Горбатым и В.С.Серебряным (об этих князьях, об опричнине, о битве можно прочитать в романе А.К.Толстого «Князь Серебряный», написанном в 1861 году). Воеводой в Кострому был послан князь Михаил Иванович Воротынский. В 1552 году Казанское ханство пало. Около 115 лет продолжалась вражда Москвы и Казани, и наконец завершилось победой русских войск (но еще долгих 5 лет шло усмирение завоеванного ханства, только в 1558 году Казань окончательно вошла в состав России). Присоединение к России Среднего Поволжья ликвидировало угрозу разорительных набегов.

Затяжные войны потребовали реформ вооруженных сил. Созданы были поместная дворянская конница и группы служивых людей: стрельцов и пушкарей. Они положили

начало оформлению приказов: Разрядного, который ведал формированием полков, Стрелецкий, Пушкарский, Поместный и т.д. Чтобы лучше оценивать платежеспособность жителей отдельных местностей, были организованы особые финансовые приказы – «четверти», отвечающие за определенные районы страны. Каждый из них получил название по основному из подведомственных ему городов: Новгородский, Владимирский, Костромской, Галичский и т.д.

В 1558 году началась война с Ливонией (она длилась с переменным успехом по 1583 год). Готовясь к походу, Иоанн Грозный создал на Волге «судовую рать» для защиты юго-восточных рубежей. В ее состав входили отряды кинешемцев, юрьевцев, галичан и костромичей. Он собрал войско с разных волостей. В 1559 году в приказе о выделении ратников было указано: «Прося у бога милости итить на свое государство дело иноземное, на немецкую, на Ливонскую земли да с государем людей с Корякова и с Куси и из Немды». В 1560 году был пленен магистр Ливонского ордера Фюрстенберг. Иоанн Грозный сослал его в небольшое костромское местечко Любим. А в 1560 году в Солигалич Иоанн Грозный сослал новгородцев, которые никак не хотели подчиняться его власти.

В 1563 году по приказу Иоанна Грозного в Чухлому для сбора войск приехал И.М.Мясной, которому было велено «собрать 50 человек и чтобы выбирали людей на конях, которые бы были собой добры и молоды и резвы и из луков и пищалей стрелять горазды и на ртах (лыжах) ходить умели».

В летописи этого времени записано: «Государь-царь и великий князь Иоанн Васильевич с бояры приговорили итить на свое государство дело на немецкую землю на Ливонскую да с государем людей ис Галича ис Парфентьево ис Каликино».

В 1565 году Иоанн Грозный переселил в Кострому часть немцев, взятых в плен в Юрьеве. Они заселили Гашеевку (ныне ул. Мясницкая и Катушечная). В 1576 году царем был проведен дополнительный набор в армию из костромского края.

Кострома к этому времени стала крупным ремесленным и торговым городом. Костромской посад насчитывал более 500 дворов, где жили ремесленники самых различных специальностей. Особенно город славился кожевенным и мыловаренным производством. В Андреевской слободе трудились портные, плотники, рукавишники и сапожники. Посадское население одних только пошлин (торговых, судных, питейных и др.) вносило 1800 рублей в год (это очень крупная сумма по тому времени). Расположенная на волжском пути, Кострома превратилась в крупный торговый центр. Каждое лето по Волге проходило около 500 больших и малых судов. Здесь находился мыт (место сбора торговых пошлин) и таможня. Из многих городов сюда приезжали купцы для покупки рыбы. Они вывозили по Волге «судовые припасы» и рыбные снасти.

Через Кострому шла торговля солью, которую на стругах возили по реке Костроме из Солигалича. На внешние рынки Европы и Азии из Костромского края шли белки и горностаи. В городе жили истинные труженики. Пьянство по царскому приказу было запрещено: народу разрешено веселиться в кабаках лишь на Святой неделе и на Рождество, в другое время пьяных отсылали в темницу.

Кострома строилась. Появились каменные постройки. В 1559 – 1565 годах по образцу московского Успенского собора построили Богоявленский. В 1580, ещё при Иване Грозном, начали, а к 1590 годам окончили, обнесение каменными стенами Ипатьевского монастыря протяженностью 500 метров, высотой 6 и шириной 3 м, укрепленными башнями. Украшением стали парадные Святые ворота с надвратной

церковью Феодора Стратилата. Соорудили кельи, погреба, другие хозяйственные помещения, настоятельные покои и каменную звонницу.

В XVI вв. Галичский уезд оставался центральным в Заволжье. Кострома была его южными воротами, а Чухлома и Солигалич – северными. Галичский уезд разделялся на "осады": Солигаличскую, Чухломскую, Судейскую, Парфеньевскую, Кологривскую и Унженскую (в уездную территорию «осаду» входили волости и станы. Волость — село с окружающими – деревнями; стан — совокупность известного количества населенных мест). Отдавая должное значимости Галичского уезда для управления Галичем и его землями в Москве был создан особый приказ - "Галицкая четь" или "четверть" - такое большое значение придавалось в Москве в это время этим землям. Галицкая четь (четверть) — название областного приказа, ведавшего, главным образом, финансовым управлением, а затем и судом приписанных к нему городов и земель. Судебной компетенции чети подлежали люди всех чинов, проживавшее в городах, ей подведомственных. В ней сосредоточивались все отрасли суда, кроме разбойных дел и дел наместных и вотчинных. В ведении Галичской четверти состояли города: Белев, Галич, Карачев, Кашин, Кологривов, Коломна, Кашира, Мценск, Мещовск, Новосиль, Парфеньев, Ростов, Соль-Галицкая, Судай, Суздаль, Унжа, Чухлома, Шуя, Юрьев-Запольский.

Галицкие земли почти не тронула поместная реформа Ивана Грозного. Они оставались черными волостями и станами. Черносошные фермеры, жившие на этих землях – это крестьяне - фермеры, обрабатывавшие землю, обложенную государственной податью и поэтому называвшуюся “черной” землей, т.е. тяглой. Крестьяне работали как бы на себя и платили в казну тягло-подать. Волость, сохранившая до 17-го века свое первоначальное устройство, составляла совокупность нескольких населенных пунктов, большей частью расположенных в одной меже, объединенных общей выборной организацией, имевшей целью обеспечение правильного отправления тягла и разных судебных и административных обязанностей внутри волости, причем эта совокупность объединенных таким образом селений была в черных волостях свободной или же принадлежала одному лицу, большей частью государю, реже – патриарху, местному архиерею или какому-нибудь монастырю, или, наконец, частному лицу, получившему её путем пожалования из черных земель.

При Иване Грозном продолжалась земская реформа, в результате которой повсеместно создавались органы земского самоуправления. Эти органы создавались в уездах,волостях, на территории слобод. Земские учреждения действовали совместно с губными. В состав органов земского самоуправления входили старосты, земские дьяки и целовальщики - выборные "лучших людей". Все должностные лица, от старост и до дьяков, избирались черносошными крестьянами и посадским населением из числа зажиточных крестьян и верхушки посада. Компетенция земских органов распространялась только на посадских людей и крестьян. При осуществлении своих функций земские власти опирались на выборных из крестьянской общины - сотских, пятидесятских, десятских. В компетенцию земских органов входили: борьба с такими преступлениями, как ябедничество, подделка документов. Земские органы занимались рассмотрением дел, исполнением приговоров по убийствам. Главная задача земских учреждений: налоговое обложение населения. Вместо наместнических поборов был установлен оброк деньгами, который шел в Царскую казну и платился раз в год.

Полувековое царствование Ивана Грозного закончилось в 1584 году (он скончался 18 марта 1584 года) и оставило глубокий и довольно мрачный след в истории России.

На престол вступил его и Анастасии Захарьиной-Юрьевой-Романовой сын - Федор Иванович (Ионович). Федор Иванович (31 мая 1557, Москва — 6 января 1598, там же), последний русский царь из дома Калитичей - Рюриковичей. Новый царь был не способен управлять страной и нуждался в умном советнике. За право быть выразителем интересов нового монарха разгорелась острая борьба, и из нее Борис вышел победителем. 14 лет занимал престол Федор;. по крайней мере, 13 из них фактическим правителем был Годунов. Царь находился под влиянием жены Ирины Федоровны Годуновой, очень дружной со своим братом Борисом. Род их происходил от татарского мурзы Чета, принявшего крещение под именем Захарии. Годуновы владели вотчинами, в том числе и в костромском крае, но до 1580 года (года свадьбы Ирины и Федора Иоанновича) не имел важной роли в русской истории. Красивый, умный, расчетливый, самолюбивый, Борис Годунов в 1584 году фактически оказался правителем Руси. Бывший конюший стал именоваться ближайшим государевым боярином и наместником Казанского и Астраханского царств. В 1590 году русская армия выступила в поход против Швеции. При войске находился царь, а при нем в звании дворовых воевод – Борис Годунов и Федор Романов. Годунов не чувствовал за собой военного таланта и военными действиями руководил князь Дмитрий Хворостинин. В 1598 году умер Федор Иоаннович, последний из рода Рюриковичей. Присягнули его жене Ирине Годуновой, но она вскоре постриглась в монахини.

Царем на Руси выбрали Бориса Федоровича Годунова (1552 – 1605). На протяжении 18 лет (1598 – 1605) судьба русского государства была связана с этим именем. В целом время Бориса Годунова осталось в истории России как время лжи, предательства, доноса, вражды. Сосланы влиятельные при Дворе люди: Бельские, Романовы, Шуйские. В 1591 году убит в Угличе царевич Дмитрий Иоаннович, младший сын Ивана Грозного.

Особенно Годунов опасался Романовых. Род этот издавна пользовался любовью и уважением. Годунова же никогда не любили и не уважали. Романовы находились в родстве с династией Рюриковичей и могли претендовать на трон. В 1601 году пятерых братьев Романовых обвинили в том, что они хотят извести Годунова и добыть царство. Александр Никитич, наместник, сослан был в Усолье-Луду, где и удавлен. Михаил Никитич, окольничий, сослан в Ныроб, где умер от голода. Василий Никитич сослан в Пелым, прикован к стене и умер в 1602 году. Иван Никитич, прозванный Каша, сослан, но в 1602 году переведен в Нижний. Федор Никитич пострижен под именем Филарета и сослан монахом в Антон-Сийский монастырь Холмогорского уезда Архангельской губернии. Жена Федора Никитича Ксения Ивановна, урожденная Шестова, пострижена в монахи и под именем Марфы отправлена в глухой Заонежский край в Толвуйский погост. Их дети – Михаил и Татьяна - оторваны от родителей и сосланы вместе с теткой княгиней М.Н.Черкасской на Белоозеро. Но вскоре матери с детьми позволено было жить в одной из вотчин Романовых в селе Клин Юрьево-Польского уезда Владимирской губернии.

Начинались народные бунты. Самым крупным было восстание под предводительством атамана Хлопка, разразившееся в 1603. В нем участвовали в основном казаки и холопы. Царские войска смогли разбить восставших, но успокоить страну не удалось — было уже поздно. По стране стали ходить слухи, что настоящий царевич жив.

Борис Годунов оценил нависшую над ним угрозу: по сравнению с «прирожденным» государем он — никто. Не случайно хулители называли его — «рабоцарь».

В начале 1604 было перехвачено письмо одного иноземца из Нарвы, в котором объявлялось, что у казаков находится чудом спасшийся Дмитрий, и Московскую землю скоро постигнут большие несчастья. Розыск показал, что самозванец — бежавший в 1602 в Польшу Григорий Отрепьев. Юрий (в иночестве — Григорий) Отрепьев принадлежал к знатному, но обедневшему роду Нелидовых, выходцев из Литвы, один из представителей которого, Давид Фарисеев, получил от Ивана III нелестную кличку Отрепьев. Считается, что Юрий был на год или два старше царевича Дмитрия. Отец Юрия, Богдан, имел поместье в Боровске Галичского уезда (между Буем и Солигаличем) недалеко от Железно-Боровского монастыря. Григорий оказался весьма способным, легко выучился чтению и письму, причем успехи его были таковы, что решено было отправить его в Москву, где он в дальнейшем поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Здесь он опять же, показал себя с хорошей стороны, и дослужился до высокого положения — что едва не погубило его во время расправы с «романовским кружком». Спасаясь от смертные казни он постригся в монахи в том же монастыре Железный Борок под именем Григория. Когда в 1604 году самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия (Лжедмитрий I) перешёл русскую границу и начал войну против Бориса Годунова, правительство Бориса официально объявило, что под именем царевича скрывается беглый монах, расстрига Гришка Отрепьев. Григорию была объявлена анафема.

16 октября 1604 Лжедмитрий I с отрядами поляков и казаков двинулся на Москву. Даже проклятия московского патриарха не остудили народного воодушевления на пути «царевича Дмитрия». Однако в январе 1605 правительственные войска в битве при Добрыничах разбили самозванца, который с немногочисленными остатками своей армии был вынужден уйти в Путивль.

Ситуация для Годунова осложнялась из-за состояния его здоровья. Уже с 1599 года появляются упоминания о его болезнях, нередко царь недомогал и в 1600-е годы. 13 апреля 1605 Борис Годунов казался весёлым и здоровым, много и с аппетитом ел. Потом поднялся на вышку, с которой нередко обозревал Москву. Вскоре сошёл оттуда, сказав, что чувствует дурноту. Позвали лекаря, но царю стало хуже: из ушей и носа пошла кровь. Царь лишился чувств и вскоре умер. Ходили слухи, что Годунов в припадке отчаяния отравился; версия о естественной смерти более вероятна, так как Годунов и раньше нередко болел. Похоронили его в Кремлёвском Архангельском соборе.

Царём стал сын Бориса — Фёдор, юноша образованный и чрезвычайно умный. Правительство Фёдора Годунова в апреле 1605 года в формулу присяги царю внесло отказ от поддержки «тому, кто именует себя Дмитрием» — а не «Отрепьеву». Это вызвало у многих уверенность в том, что версия об Отрепьеве — ложь, а царевич Дмитрий — настоящий. В июне 1605 года сына Бориса Годунова – шестнадцатилетнего Федора, и его мать задушили новоявленные сторонники Дмитрия, дочь Бориса заточили в монастырь, и в июне 1605 года под праздничный перезвон колоколов Григорий Отрепьев, он же Лжедмитрий I, въехал в Кремль.

Лжедмитрий I воцарился на московском престоле и был признан, искренне или нет, истинным сыном Ивана Грозного. Лжедмитрий вернул из ссылки и приблизил к себе всех родственников царя Федора, в том числе Романовых. В Москве девятилетний Михаил встретился с родителями. Вскоре его отец, теперь уже монах Филарет, стал ростовским митрополитом и отбыл в свою епархию. Между тем самозванец смог продержаться у

власти чуть меньше года. Среди знати возник заговор, и Лжедмитрий I был убит. На престол взошел теперь уже “самоизбранный царь” Василий Шуйский. Он не состоял в родстве с потомками Калиты, но был одним из наиболее знатных князей, Рюриковичей. Именно в правление Василия Шуйского светские власти жаловали Авраамиев Городецкий монастырь на берегу Чухломского озера. В 1608 году «по вере и обещанию» царя Василия Шуйского здесь был заложен первый каменный храм – собор Покрова Пресвятой Богородицы с Ильинским приделом над гробницей преподобного Авраамия. Однако из-за Смуты и последующего всеобщего запустения закончить храм смогли только в 1631, а освятить – в 1632.

Для современников права Шуйского на московский престол выглядели более чем сомнительными. Поэтому когда прошел слух, что “царь Дмитрий” опять спасся и появился в Польше, под знамена нового самозванца собралось весьма многочисленное войско. Страна разделилась: одни были за царя Василия, другие — за Лжедмитрия II, который расположился недалеко от Москвы, в Тушино. Михаил вместе с матерью и сестрой в это время находился в Москве под покровительством царя Василия, а Филарет, волею или неволею, стал тушинским патриархом.

Потерпев неудачу с Лжедмитрием I, паны осенью 1607 года осадили Москву и разбили свой лагерь невдалеке от нее, в селе Тушино, за что Лжедмитрия II прозвали «тушинским вором».

Из Тушина поляки во главе с полковником Александром Лисовским (это имя нам ещё встретится в связи с Георгом Лермонтом) начали наступление на север Московского государства, наверное ещё памятуя о том, что их первый ставленник Лжедмитрий I был родом из Галичских земель. Кроме того русская армия находилась в осажденной Москве, а на севере не было войск, способных дать отпор интервентам. В числе северных земель под властью захватчиков оказались и галичские, хотя галичская крепость не была взята интервентами. На захваченных землях враги начали безудержный грабеж, бесчинства и насилия над русскими людьми. Народ ответил на это мощным восстанием. Первым в ноябре 1608 года поднялся Галич. В городе организовалось большое ополчение – «собрание великое ратных людей». В это ополчение из уезда восставшие постановили брать «с сохи* по сту человек», причем половину их на конях, а другую половину – пешими. Но многие шли в ополчение добровольцами («сами охотно идут головами»). Для охраны родных мест проводилась вторая мобилизация:«по 50 человек с сохи». (*Соха – единица государственного поземельного обложения в русском государстве XVII века. Для служилого землевладения соха составляла 800 четвертей (около 400 десятин). В«черносошных» волостях соха равнялась 500 четвертям (около 250 десятин).

Таким образом, подавляющее большинство взрослого мужского населения Галичского уезда выступило с оружием в руках на борьбу с интервентами. Не ограничиваясь этим, галичане разослали по северным городам гонцов с грамотами, в которых призывали русских людей подниматься на борьбу с тушинцами, создавать ополчения и собираться к Галичу с «зельем» (порохом) и «нарядом» (пушками). Призыв их нашел горячий отклик. Народное восстание быстро распространялось по всему северу Русского государства. Восстали Кострома, Чухлома, Устюг, Вологда, Тотьма, Каргополь, Белозерск и другие города. Не дожидаясь прихода подкреплений оттуда, галичское ополчение двинулось к Костроме. Здесь оно объединилось с костромским ополчением, и соединенные силы галичан и костромичей направились к Ярославлю. Но социальная неоднородность ополчения сказалась, когда оно приблизилось к Ярославлю, занятому в

начале декабря 1608 года большим карательным отрядом пана Лисовского. Часть дворян и детей боярских из ополчения близ Ярославля переметнулась на сторону Лисовского. Изменники пытались захватить с собой пушки народного ополчения («наряд галицкой вогняной начали отнимати»), но крестьяне и посадские люди отбили эту попытку. Все же они оставили свои обозы («коши и запасы свои пометали»). После измены и потери обозов ополченцы, не принимая боя,отступили к Костроме. Отряд Лисовского, пополненный изменниками,настиг отступавших под самой Костромой. Началось сражение. Во время его дворяне и дети боярские, оставшиеся в Костроме, тоже нанесли ополчению предательский удар в спину. «...И воры нас и дети боярские многих крестьян на Костроме побили, и наряд галицкой взяли, а иные наши ратные люди разбежались врознь», — говорили ополченцы. Лисовский занял Кострому, выжег Костромской посад и двинулся на Галич. Мстя за восстание, интервенты сожгли деревянный город,опустошили окрестные села и деревни. Многие галичане были перебиты,но большинство их укрылось в лесных засеках или ушло на север, в сторону Тотьмы и Вологды.

Такая же участь ожидала Чухлому и Солигалич. Удалённое Местоположение не уберегло эти города от разгромов поляками. В 1609 году к городу подошел отряд Лисовского - жители же заперлись в крепости. Оценив её мощь, интервенты не решились на штурм Чухломской крепости, разграбили и сожгли все окрестные населенные пункты, а затем ушли в сторону Солигалича. Отряд Лисовского сжег и солигаличскую крепость.

Считая восстание подавленным, Лисовский возвратился в Тушино. Но едва каратели оставили край, как галичане вышли из засек, и восстание вспыхнуло с новой силой. На помощь новому ополчению пришли хорошо вооруженные подкрепления из северных городов. На этот раз народ не допустил в ополчение ни дворян, ни детей боярских. Ополченцы дали клятву «биться до смерти».

Началось восстание и в Костроме: костромичи осадили Ипатьевский монастырь, в котором заперся со своими людьми ставленник«тушинского вора» воевода Вельяминов. В марте 1609 года пятитысячный отряд галичан, возглавляемый Иваном Кологривцем, подошел к Костроме и принял участие в осаде Ипатьевского монастыря. Позднее галичский отряд, руководимый Петром Мансуровым, влился в ополчение Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского. В составе его галичане в октябре 1612 года храбро бились за освобождение Москвы.

За время интервенции, по подсчетам историка П. П. Смирнова, количество дворов и населения в Галиче сократилось приблизительно в шесть раз. Даже в 1628 году, судя по писцовой книге, в городе из 667 дворов 211 пустовало. «А жильцы тех дворов померли, а иные разошлись безвестно от долгов и бедности».На посаде города только 38 дворов «молодших людей» с населением в 43 человека были отнесены к тягловому населению, то есть признаны способными нести государственные повинности. «А лутших и средних посадских людей в Галиче на посаде нет...». Внутри крепости, где жили главным образом бояре, дворяне и дети боярские, из 70 дворов 30 стояло пустых. Такую картину представлял Галич вплоть до 1628 года. И только в середине XVII века Галич по своим размерам и населенности стал приближаться к уровню, на котором он стоял накануне интервенции.

После польской интервенции очень пострадали и окрестные земли Чухломы. Люди покинули родные края, оскудел заволжский край. В наказе 1610 г. Левшину, управителю посада Чухломы и черных волостей Чухломского уезда, был послан указ о прикреплении крестьян к земле. Это прикрепление выражено решительно и указан его источник -

стремление поддержать податную исправность плательщиков и остановить сокращение податной пашни. Левшину предписывалось крестьян из государевых волостей никуда не выпускать и за государя крестьян ни из-за кого не вывозить до указу; так как «прожиточные крестьяне горланы с себя убавливали пашни, с выти стали жить на полвыти или на трети, не хотя государевых податей платити, а те свои доли наметывали на молодших людей, а вместо той своей пашни пашут на пустошах и сено косят на пустых долях», то Левшину это расследовать и распорядиться, чтобы крестьяне убавочные пашни пахали, тяглой пашни с себя не сбавливали, платили бы со своих вытей по животам и по промыслам». Таким образом государственные и дворцовые крестьяне были прикреплены к земле и образовали замкнутый класс: ни их не выпускали на владельческие земли, ни в их среду не пускали владельческих крестьян, и это обособление является в подмогу круговой поруке для обеспечения податной исправности сельских обществ. Такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом. Это была чисто полицейская мера, но ещё не крепостное право.

Забегая вперед отметим, что в первые же после «смутного времени» переписи зафиксировали безотрадную картину опустошения Чухломы и округи. В самой Чухломе «Дозорная книга» 1615 года то и дело отмечает набеги жителей - «сошли безвестно». В городе значилось тридцать дворов с тридцатью душами мужского пола. На посаде в этом году было всего 14 дворов и 16 бобыльских, т.е. обнищавших до того, что с них не взимали налогов. Фактически Чухлома была не более большого села. Через 10 лет после разорения поляками чухломской земли шотландец Георг Лермонт, перешедший на московское государство и впоследствии его потомки, примут непосредственное участие в восстановлении былого благосостояния этого края. К 1670 годам Галичский уезд вновь становится одним из самых богатых по населению во всем государстве, заключая в себе 31 тысячу тягловых дворов, а по населенности он занимал пятое место в ряду центральных московских уездов" (Платонов. Очерки по истории смуты. стр. 27). Другие уезды пострадали значительно сильнее во время смуты.

Борьба между царем и самозванцем шла с переменным успехом, пока не появилась третья сила. Среди русской знати возникла идея пригласить на престол Владислава, сына польского короля Сигизмунда III. Царь Василий был свергнут с престола летом 1610 г. и насильно пострижен в монахи, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где был убит в конце 1610 года. Московский престол снова оказался пустым.

Для переговоров с польским королем в Смоленск выехало посольство во главе с Филаретом и боярином В. Голицыным. Выяснилось, что Владислав готов стать царем, но отказывается принять православие. Католик на русском престоле был просто немыслим — так считали послы. Переговоры затягивались. Во главе государства находились тогда семь бояр пропольской ориентации. Они постепенно приводили к присяге Владиславу население, впустили в столицу польские войска, арестовали Василия Шуйского и отправили его в Польшу, расхищали казну. Такое сложение позволило Сигизмунду III арестовать членов смоленского посольства и отправить их в Польшу. Сам король встал во главе своих войск, направлявшихся в Москву, чтобы силой захватить царский трон.

В это крайне тяжелое для страны время ее патриотические силы сумели объединиться и дать отпор притязаниям захватчиков. Войска Первого ополчения отбросили армию короля и осадили Кремль, где находились правительство

“семибоярщины” и их польские союзники. Среди осажденных находились и Михаил с матерью. Это было еще одно испытание, выпавшее на его долю. Осада была длительной, запасы пищи в Кремле иссякли. Многие стали умирать от голода. Дело дошло до того, что ели засоленные в бочках трупы людей. Авраамий Палицын писал, что когда Кремль освободили, то обнаружили “множество трупу человеча разсечены от человекоядец онех в сосудех лежащих”. Только в октябре 1612 г. войска Второго ополчения освободили Кремль. Михаил с матерью получили возможность выехать в свою вотчину — с. Домнино около Костромы. Затем из-за угрозы нападения польских отрядов они переехали в Ипатьевский монастырь.

Освобождение столицы от поляков было лишь первым этапом борьбы за возрождение Русского государства. Необходима была сильная центральная власть.

В самом начале 1613 г. был собран Земский собор для избрания нового царя. Претендентов на престол было несколько: самые родовитые — князья В. П. Голицын и Ф. И. Мстиславский, полководцы-освободители Москвы М. Пожарский и Д. Т. Трубецкой, принцы — польский Владислав и шведский Филипп-Карл (после свержения Василия Шуйского Швеция захватила северо-западные земли Руси, включая Новгород), а также “воренок Ивашка”, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II.

Как некое чудо представляет Авраамий Палицын единодушное решение выбрать царем Михаила Романова, подчеркивая, что оно появилось сначала у людей, не участвовавших в оборе. На него стали приходить писания “от дворян, больших купцов, от городов Северских, от казаков”, в которых называлось одно и то же имя будущего царя. Окончательно чаша весов в пользу Михаила склонилась тогда, когда некий дворянин из Галича подал на собор бумагу, в которой доказывалось, что именно этот отпрыск рода Романовых является ближайшим родственником последнего законного царя, Федора Ивановича. Немалую роль сыграло и то, что Романовы были одним из наиболее знатных и уважаемых бояр.

Страна, которой предстояло править Михаилу, находилась в тяжелейшем состоянии. Не прекращались внутренние распри и усобицы. На северо-западе часть территории с Новгородом захватили шведы. Поляки удерживали западные районы, включая Смоленск, и в любой момент могли повторить поход на Москву, чтобы отвоевать корону для Владислава. Не прекращались набеги крымских татар. На остальной территории бесчинствовали шайки разбойников. И молодой царь не спешил занять престол. Путь из Костромы в Москву занял у него больше месяца. Михаил останавливался в разных городах, посылал грамоты боярам, собирал вокруг себя верных людей. Все это для того, чтобы освоиться с новой для себя ролью и глубже понять ситуацию в стране.

На пути в Москву к Михаилу присоединилось множество людей, в том числе и служилых. Получилось так, что московское правительство обезлюдело и было вынуждено просить царя прислать стольников и дворян из своей свиты. В ответ Царь лишь подтвердил, что “дворяне и стольники, и стряпчие с нами все”. Чтобы еще больше привлечь к себе служилых людей, царь запретил боярам отбирать земли у тех служилых людей, которые находились при нем. Кроме того, он стал принимать челобитья у всех, кто считал себя обиженным. Боярам же писал, что “многие дворяне и дети боярские бьют нам чело о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и отдаете в раздачу без сыску... мы у тех поместий и вотчин до нашего указу отымати не велели”.

Торжественный въезд в столицу нового царя состоялся 2 мая 1613 года. Венчание состоялось 11 июля в канун именин молодого царя. Священнодействие совершал казанский митрополит Ефрем (это должен был делать патриарх, но его в то время на Руси не было). Корону держал Ф. И. Мстиславский, скипетр — Д. Т. Трубецкой, царскую шапку — дядя царя И. Н. Романов, державу — В. П. Морозов, а за платьем ходили Д. М. Пожарский и казначей Траханиотов. Следовательно, в церемонии главную роль играли представители разных кругов: самый знатный князь, родственники царя, полководцы-освободители, служилый дворянин. Новый царь хотел примирить всех и оказать им честь.

Избранный окружением царя путь возрождения страны оказался верным. Вступив на престол, Михаил оставил на своих местах всех должностных лиц; не было ни одной опалы, ни одного удаления от должности. Даже вопрос о наказании изменников, расхитивших казну, был оставлен на усмотрение народа: “как всяких чинов и черные люди об нем приговорят”. Такой курс во многом способствовал всеобщему примирению. Михаил приблизил к себе многочисленных родственников. Брачные связи соединили клан Романовых со многими наиболее знатными фамилиями. Поэтому правительство нового царя оказалось достаточно представительным.

Уже в апреле 1613 г. во время похода к Москве был создан приказ Большого дворца, в котором видное место занял Борис Салтыков, родственник царя по матери. Этот приказ стал заведовать дворцовыми и монастырскими селами и землями и собирать в них “корм” для государя и его свиты. Младший брат Бориса, Михаил, получил звание кравчего. Особо значительную роль при дворе играл дядя царя — Иван Никитич. Еще одним приближенным человеком стал другой родственник — Ф. И. Шереметев, муж внучки Никиты Романовича И. Б. Черкасской. На Земском соборе 1613 г. он представлял всю фамилию Романовых.

В правительство входил и князь Б. М. Лыков-Оболенский, женатый на дочери Никиты Романовича Анастасии, родной тетке Михаила.

Лыков и Шереметев, получившие боярство при Лжедмитрии I, стали самыми видными и влиятельными членами Боярской думы. И. Б. Черкасский, сын Марфы Никитичны, дочери Никиты Романовича, получил боярство в день венчания Михаила, вместе с Д. М, Пожарским, и тоже вошел в правительственный круг. Близки к государю стали И. Ф. Троекуров, сын Анны Никитичны Романовой, шурин царя И. М. Катырев-Ростовский, женатый на рано умершей его сестре Татьяне. При дворе оказались и более дальние родственники: Черкасские, Сицкие, Головины, Морозовы и др.

Наибольшую опасность для России тогда представляла Польша. Король Сигизмунд III и его сын Владислав не забыли о том, что московский престол был почти у них в руках. В любой момент можно было ожидать их новых попыток захватить Москву. Кроме того, у поляков оставалось много русских пленных, в том числе отец Михаила Филарет. По юго-западу страны все еще рыскали шайки Лисовского. Трудно было смириться и с потерей исконно русских земель, включая Смоленск. В Польшу было направлено посольство во главе с Д. Оладьиным. Выяснилось, что положение там тоже нестабильное, многие магнаты склонны к заключению мира с Россией. В марте 1613 года собор двинул войска против литовских людей. Сначала в июле удача не сопутствовала русским войскам.

Государь говорил на соборе с духовенством и боярами, как ему над литовскими людьми и черкасами промышлять, и приговорил идти на них стольникам - князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Михайле Матвеичу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли под Калугу, то литовские люди и черкасы, послышав их приход, ушли из серпейских и мещовских мест к Вязьме и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутые литовцами Вязьму и Дорогобуж и подступили под Белую. Литовцы сделали было из нее сильную вылазку, но были побиты и в августе 1613 года принуждены были сдаться (Соловьёв, т.9).

Среди сдавшихся в крепости Белая - «бельских сидельцев», по версии Василия Сторожева было не менее шестидесяти наемных иностранцев: английских выходцев, шотландцев и ирландцев, состоявших на польской службе; они вышли из Белой на государево имя и таким образом вступили в ряды московских войск, которые московское правительство с большою охотой пополняло вымуштрованными иноземцами. По версии Олега Скобелкина «бельских сиделельцев» было не менее ста двадцати человек. После “бельской сдачи” они поступили на русскую военную службу, образовав по национальному признаку две роты - ирландскую и шотландскую. В дальнейшем служили они вместе, и в русских документах того времени за ними прочно закрепилось название - “бельские немцы”. (Подробнее см.: Скобелкин О.В. Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты // Шэмрок. Журнал ирландских исследований. Воронеж, 1997. № 1. С. 71-85; он же. Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та ВГУ: Вып. 2. Воронеж, 1997. С. 14-21.)

В этих списках был и Джордж Лермонт (George Leirmont) – основатель рода Лермонтовых в России. По одним спискам он числился как прапорщик, а по другим шляхтич, т.е. человек благородного происхождения. George Leirmont (в документах найденных Василием Сторожевым и нами в Варшавских архивах) – это собственноручное написание фамилии Георгом Лермонтом, что само по себе свидетельствует о его грамотности довольно редкой в те времена для простого наемного офицера. Такое написание - «Leirmont», фамилии Лермонт (современное правописание - Learmonth) было принято в начале XVII столетия. Идентичность правописания фамилии Лермонт подтверждается документами 1618 года из российского архива и документом 1586 года из шотландского архива. Последний документ – это завещание сэра Джорджа Лермонта Бэлкоми из графства Файф в Шотландии.

Георг Лермонт вышел на государево имя, т.е. был принят на русскую службу в 1613 году при прямом участии воевод Д.М. Черкасского и М.М. Бутурлиным. Оба они в то время были очень влиятельны при дворе Царя Михаила Фёдоровича. Кроме того князь Д.М. Черкасский был родственником государя. Будучи принятым на службу в русскую армию, Георг Лермонт был повёрстан окладом, т.е. ему назначили денежное жалование.

Прямых свидетельств о том, где и как проходила служба "шкотцких немцев" с момента перехода на русскую сторону до лета 1616 г., пока разыскать не удалось. С 1613 года по 1616 год в то время, как одна часть "бельских" шотландцев во главе с капитаном Мутром приводила к покорности мятежное казачество, другая под командованием В. Дюри была в Туле и отбивала татарские набеги. На основании челобитной (прошения) Георга Лермонта от 1628, где он, перечисляя свои воинские достоинства, писал, что он

бился с татарами, можно полагать, что он скорее всего был тогда в роте В. Дюри под Тулой. А эта рота выступала под командованием князя Василия Куракина. Тульская служба была нелегкой и опасной; многие шотландцы получали тяжелые ранения, немало русских и шотландцев полегло в боях. Однако Георг Лермонт выстоял.

В 1617 году, минуя должности и писаря и пятидесятника, Георг Лермонт назначается с одобрения роты прапорщиком на место умершего Давыда Едворта.

В сентябре 1617 года выступил против Москвы (читай Русского государства) Владислав вместе с гетманом Ходкевичем. Страх напал на воевод московских, когда они узнали, что сам королевич при войске. Дорогобужский воевода сдал свой город Владиславу как царю московскому; Вязьма была также покинута своими воеводами и сдалась. Но не сдалась Калуга, защищенная князем Димитрием Михайловичем Пожарским.

29 июня 1618 года происходила большая битва за Можайск. Русские войска, в числе которых выступал и прапорщик Георг Лермонт, во главе с боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым и Григорием Валуевым, отбили от Можайска королевича Владислава. 1617-й и две трети 1618 года прошли без решительных действий с обеих сторон. В августе 1618 князь Лыков под прикрытием князя Д.М. Пожарского вывел свои войска из Можайска и ушел в Москву.

В битве за Можайск Георг Лермонт оказался под командованием ещё одного очень влиятельного в Русском государстве человека князя Бориса Михайловича Лыкова, бывшего, как и князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, близким родственником царствующего Михаила Федоровича Романова.

В сентябре 1618 года Владислав решился двинуться прямо к Москве. Георг Лермонт был в это время уже в Москве в отряде стольника и воеводы князя Василия Семёновича Куракина. В ночь на первое октября 1618 года он дрался у Арбатских ворот во время приступа войск королевича Владислава на Москву. Военный отряд, защищавший Арбатские ворота, не только выдержал натиск неприятеля, прорвавшего передний городок, но и успел сделать удачную вылазку. На этом приступе шотландцы потеряли убитым поручика Петра Юля. На место убитого назначен был Георг Лермонт.
Таким образом уже в сентябре 1618 года Георг Лермонт получает повышение и становиться во главе «шкотской» роты. На этот момент его звание соответствовало уряднику среднего ранга согласно чинам частей иноземного строя (Ю. Веремеев). Более того за пять лет воинской службы в России (1613-1618) благодаря его регулярным прошениям на имя Царя Михаила Фёдоровича, его жалованье возросло в 5 раз. Можно с уверенностью предполагать, что немаловажную роль в повышении его воинского чина и жалованья, сыграли его личные качества и участие в судьбоносных для России сражениях под командованием высокопоставленных, влиятельных воевод (как князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Борис Михайлович Лыков, князь Василий Семёнович Куракин).

Перед тем как Георг Лермонт в 1618 году принял решение принять российское подданство, он следовательно участвовал в исторических событиях, закрепивших правление Михаила Федоровича и всей династии Романовых в России. С точки зрения истории рода Лермонтов-Лермонтовых в этих событиях есть прелюбопытнейшие обстоятельства, которые мы решили выделить в отдельную историю и назвать её «Лермонт против Лермонта».

Лермонт против Лермонта,
1616-1618.

В 1616 году в России правил царь Михаил Федорович Романов, а в Польше король Сигизмунд Ш. В России, переживший тяжкие испытания Смутного времени, стали понемногу забывать свои несчастья. С Швецией заключался мир при посредничестве английского короля. С Европейскими державами, а также с Персией, Крымом и Турцией пока установился мир.

Однако с Польшей, хотя и не было состояния войны, но отношения оставались очень напряженными. По прежнему яблоком раздора оставался Смоленск, находившийся под властью поляков.

26 апреля 1616 года польский Сейм принял предложение короля открыть военные действия против России, целью которых было расширение владений Речи Посполитой, устрашение Московского государства и, как итог, силою оружия добиться наконец-то воцарения королевича Владислава на российский престол. Король Сигизмунд Ш назначил восемь сановников - Комисаров, которые должны были безотлучно находиться при Владиславе, быть его советчиками и руководителями. Возглавлять войско польское было поручено великому Гетману Яну Карлу Ходкевичу.

Войско Владислава из 10 800 воинов было многообразно по составу и угрожающе вооружено: 11 рот тяжелых гусаров во главе с маршалом Казановским; 5 отрядов в доспехах(хоругвий панцерников по 300 чел.); 4 отряда рейтеров (конные воины, набранные их служивых); 2 отряда копьеносцев; 5 конных полков в том числе полк умершего в 1616 г Александра Лисовского (осаждавшего Кострому, Галич, Чухлому и сжегшего все деревни вокруг Чухломы в 1609 году), который продолжали называть полк Лисовского в честь его опустошающих русскую землю набегов; пехотные полки из приблизительно 4000 пехотинцев.

На один из пехотных полков нам следует обратить особое внимание, так как его возглавлял Питер Лермонт (Peter (Piotr) Lermunt- Learmonth), состоявший с 1603 года сначала на службе в шведской армии, а потом на службе у Сигизмунда Ш. По поводу личности этого Питера Лермонта в литературе нет точных сведений. Известно только, что он происходил из шотландского рода Лермонтов.

Весь 1616 год прошел у поляков в подготовке к походу на Россию. И только весной 1617 года двадцатидвухлетний Владислав торжественно отправился в поход. Долгим и изнурительным был поход поляков к Москве. Хотя ещё и неокрепшее московское государство оказывало героическое сопротивление. Настоящий ужас и панику вселяли в поляков войска князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Войско Владислава бывало на краю гибели и роспуска из-за недоплаты жалованья наемным войскам, которые нередко бунтовали, из-за страшных российских морозов и голода. Земли смоленской и калужской губерний, по которым прошли поляки, подвергались разграблению, жителей убивали, а населенные пункты превращали в пепелище.

Летом 1617 года поляки взяли без боя Дорогобуж. Несмотря на то, что Дорогобуж был хорошо укрепленной крепостью, русских войск там было недостаточно, чтобы отражать нападение огромного польского войска. Поэтому русские отступили, зная заранее, что основные бои предстоят на подступах к Москве. В конце 1617 года, когда решался вопрос о зимовке войска Владислава, без боя сдалась Вязьма. Вязьмичи еще

помнили о присяге королевичу Владиславу в 1610 году и приняли его с должными почестями.

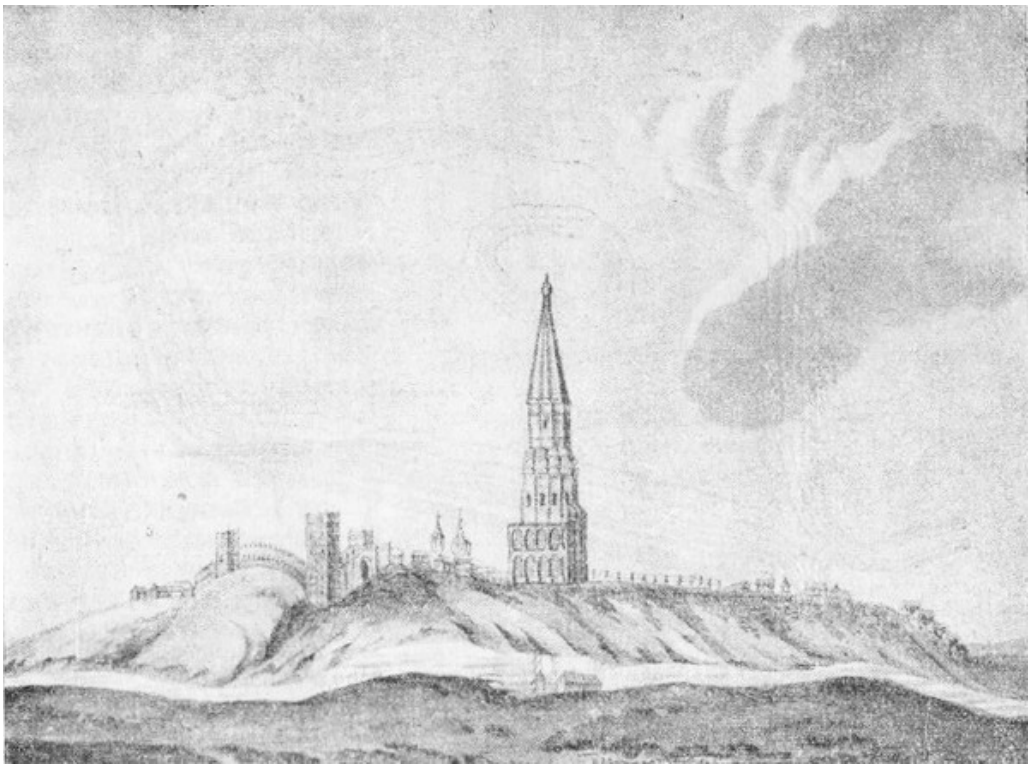
Однако, благостная зимовка польского войска в Вязьме и в окрестных деревнях Смоленщины с 1617 на 1618 год не состоялась. Князь Пожарский постоянно и успешно атаковал поляков под Калугою, отвлекая поляков от основной цели похода – Москвы. Более того на пути к Москве стоял отлично укрепленный Можайск.

Тогда в ноябре 1617 года Гетман Ходкевич предложил взять Можайск обманным путем: усыпить бдительность русских различными предложениями о мирных переговорах, посылая гонцов в Москву, а тем временем под покровом ночи выступить на Можайск и мощной и короткой атакой ворваться в крепость и захватить город. Однако ревнивый Владислав сразу понял, что в случае победы все лавры достанутся гетману и поэтому решил сам возглавить экспедицию. ***Наряду с другими войсками, состоящими из приблизительно 2500 воинов, в состав экспедиции вошел и пехотный полк, возглавляемые Питером Лермонтом.*** В результате приготовления к походу на Можайск тайный план гетмана Ходкевича рухнул и планы поляков стали известный защитникам Можайска, возглавляемых воеводой князем Борисом Михайловичем Лыковым-Оболенским***. В то время как Питер Лермонт возглавлял полк пехоты войска польского, пытавшегося захватить Можайск, в войске воеводы Лыкова, защищавшего Можайск, сражался Георг Лермонт.***

В декабре 1617 года экспедиция Владислава потерпела полный провал и полякам вновь пришлось отступить к Вязьме. До весны 1618 года польское войско терпело лишения и поэтому в нем постоянно царили беспорядок, несогласие, раздоры, доходившие до неистовства. Поляки пытались несколько раз договориться с русскими о перемирии, посылая гонцов. Но поскольку их претензии на русские земли и русский престол находились в противоречии с представлениями российского царя и бояр, то договоренности не было достигнуто. Армия поляков редела, но Владислав продолжал лелеять мечты о российском престоле. Подкупив золотом Запорожских казаков, Владислав в июне 1618 года стал продвигаться к Москве. И вновь на пути польского войска встает Можайск.

В начале июля лагерь поляков встал под Борисовым городком, получившим своё название от царя Бориса Годунова. Здесь находилась каменная, укрепленная рвом

крепость, в центре которой стояла необычной архитектуры столпообразная церковь, сообщавшаяся с крепостью поземными ходами.



Общий вид Борисова городка. Акварель Суходолова
(ГИМ, Атлас Московской губернии 1800 г.)

О неприступности крепости не раз говорится в источниках. Так, рассказывая о королевиче Владиславе, который в 1609 г. «ста в Борисове на городище (около Борисоглебской церкви. — В. К.) от Можайска в 7 верстах», летописец отметил, что он «многожды покусился городок Борисов взяти и не возможе, понеже крепок». По той же причине не удалось полякам взять крепость и позднее. Составляя рассказ о «Походе Владислава в Россию в 1617 и 1618 гг.» на основе польских источников, один из авторов писал, как, идя на приступ Борисова, поляки собрались «высадить ворота петардою» и ворваться в крепость, но «сии надежды однако не сбылись: ров так был широк, что действовать петардою не было никакой возможности. Ходкевич приказал войску броситься на приступ: оно два раза пыталось на сие и оба раза было отбито». В «Новом летописце», рассказывающем о неоднократных боях в районе Борисова в 1618 г., он также фигурирует как прочно укрепленный пункт: «а в Борисове городке в те поры сидел воевода Константин Ивашкин, Литовские же люди многожды к нему приходяху и не можаху нечево ему зделати, что тот городок крепок добре». В итоге, интервенты так и не смогли овладеть Борисовым; в их руках он оказался только в августе 1618 г. — после того как гарнизон, узнав об оставлении Можайска, поджег крепость перед уходом, забрав с собой все необходимое.

30 июня 1618 года войско Владислава, дабы прервать связь Москвы и Можайска, подошло к Можайску со стороны Рузы и Владислав вместе с гетманом Ходкевичем встал под Лужецким монастырем. ***В середине между ними и Можайском встала пехота с пушками, одним из командиров которой был Питер Лермонт.***

Можайск. Лужецкая обитель.

Шесть веков с высокого правого берега реки Москвы на окраине Можайска, из местности, что издревле называлась Лужками, возносится ко Господу монашеская молитва. Шесть веков стоит здесь Лужецкая обитель – одна из жемчужин того духовного ожерелья, которое Промыслом Божиим рассыпано по Русской земле учениками и учениками учеников преподобного Сергия Радонежского и поныне сияет очагами святости, твердынями веры и благочестия. Сам Можайск в то время представлял собою Каменно-деревянную крепость Бориса Годунова, восстановленную после пожара города в 1613 году, но недостроенную, а также спешно возведенный острог вокруг крепости. Эти укрепления сослужили уникальную службу русскому народу. Возле этой крепости и "застряла" польско-литовская армия королевича Владислава, шедшая на Москву.

Оборону Можайска держали князь Дмитрий Михайлович Пожарский, пришедший из-под Калуги, где уже не осталось поляков, и подошедшие из Москвы князь Борис Михайлович Лыков и князь Черкасский. ***В войске князя Лыкова оборону Можайска держал Георг Лермонт.*** Вот его собственноручное свидетельство, оставленное в 1619 году в челобитной царю Михаилу Федоровичу: «И на твоей царской службе в Можайске с твоим государственным боярином и воеводой с князем Борисом Михайловичем были, как государь, был бой с польскими , и с литовскими, и с немецкими людьми под Можайском на Петров день; - и мы, холопы твои, в том тебе, государю, служили, с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми бились явственно не щадя голов своих за тебя государя».

Артиллерия поляков, одним из командующих которой был Питер Лермонт, с Брыкиной горы, где располагался Лужецкий монастырь, в пух и прах разнесла Можайскую крепость. Взорвавшийся склад зелья-пороха обрушил внутреннюю половину каменных Никольских ворот. Но героический гарнизон крепости, в котором сражался Георг Лермонт, отстоял крепость от интервентов. Тогда же сильно пострадал и Лужеский монастырь. Мученическую кончину принял лужецкий архимандрит Митрофан. Обитель была опустошена, население в подмонастырских слободках побито, все церкви разрушены до такой степени, что даже спустя десятилетие после литовского разорения Богослужение можно было совершать только в Рождественском соборе. Но и в этой соборной церкви похищенные поляками оклады почти со всех образов иконостаса еще не были восстановлены. В монастырской ризнице вместо серебряной богослужебной утвари осталась лишь деревянная, а вместо ценных облачений – лишь холщовые ризы. Погибло и множество рукописных книг.

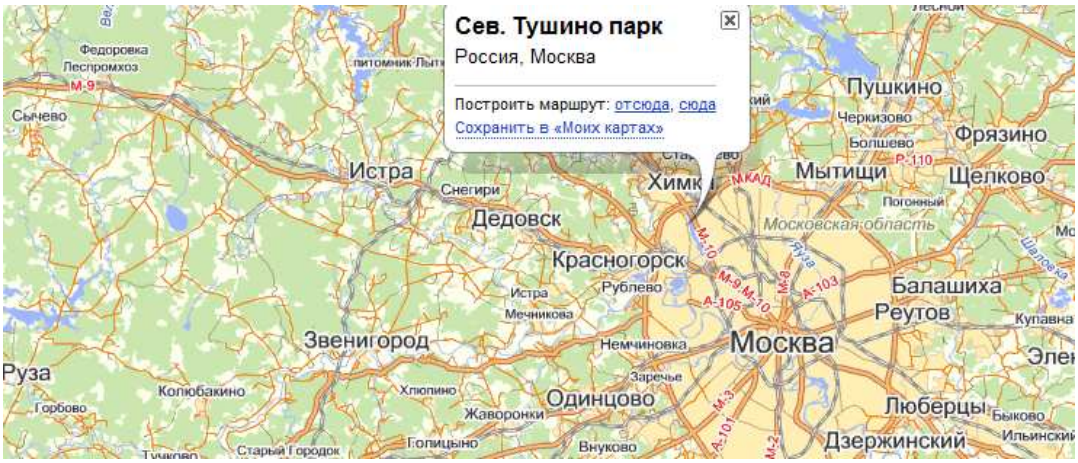
В сентябре 1618 года, Пожарский и Лыков снабдив Можайск свежими военными силами и продовольствием, под покровом ночи со своим войском покинули Можайскую крепость. ***Вместе с ними ушел к Москве и Георг Лермонт: «И с того бою, мы холопы твои, последние многих твоих государевых и детей боярских и всяких служивых людей отводили. Да и на всех боях под Можайском мы, холопы твои, тебе государю служили верою и правдою, и были на твоей царской службе по Можайском до боярского отходу к Москве, и с твоей царской службы не бегали, и не съезжали, и в измене не бывали никто нигде»***

Как написал Можайский историк В. Горохов "Оборона Можайска способствовала общему подъему духа русских людей… А в Москве успели хорошо подготовиться к обороне»

После отхода русских войск от Можайска войско Владислава пришло в разброд и шатания. Жалованье задерживалось, продовольствия не хватало, несколько пехотных полков покинуло поле сражения, но не полк Питера Лермонта. В начале сентября 1618 года с остатками войска Владислав двинулся через Рузу к Звенигороду, который располагался тогда в 48 верстах от Москвы.

В это время, получив известие от воеводы Можайска Волынского о продвижении поляков к Москве, царь Михаил Федорович 9 сентября собрал Собор, где решались вопросы об обороне столицы.

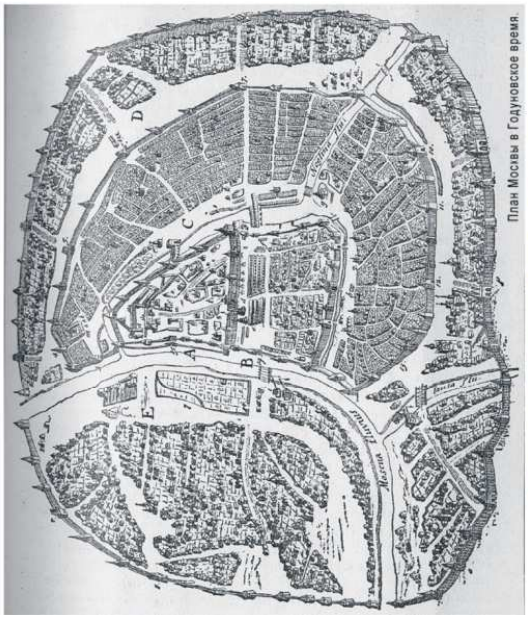
Удача улыбнулась Владиславу, когда он почти потерял надежду на захват Москвы. Казацкий атаман Конашевич, известный под именем Сагайдашного, прислал гонца с вестью, что он с 20 0000 казаков и черкесов стоит в 9 верстах от Москвы в Бронницах и ждет распоряжений Владислава. Распоряжение следовать в Тушино последовало мгновенно, т.к. именно туда направлялся Владислав со своим войском. Расположившись лагерем именно там, где в 1608-1609 годах стоял Лжедми́трий II, также Калужский или Тушинский вор, Владислав ожидал удобного момента для решающего захвата Москвы.



Между тем русские и польские дипломата практически непрерывно вели переговоры о перемирии. С русской стороны переговоры были скорее способом оттянуть время и дождаться российских помощников в войне: « холода и голода».

Наконец Владислав решился и назначил штурм Москвы с 10 на 11 октября 1618 года. Польский историк эпохи просвещения в Польше Адам Станислав Нарушевич (1733-1796) описывает Москву того времени, т.е. такой, какой она могла бы представляться как полякам и ***Питеру Лермонту, так и защитнику Москвы Георгу Лермонту***: «город сей, называющейся от реки сего имени, и дающей название целому Государству, лежит в обширной равнине, не имея вблизи кустов кроме частого можжевелового кустарника. На ближайших полях видно множество каменных монастырей и церквей. Самая столица,

украшенная бездною шпилей тех де святынь, монастырей, башен и ворот, представляет зрелище одного из великолепнейших городов в Европе. Тройственный пояс замков (крепостей), каменными стенами между собою разделенных: Бел-Города, Крым-Города и Китай-Города, являет взорам вид как бы трех городов, коим всем вместе дано великолепное название столицы. Обширность увеличивает примыкающая к самому городу стенами многолюдная Стрелецкая слобода, обнесенная деревянным забором и потому именуемая деревянным замком (крепостью); здесь было жилище людей вооруженных мушкетами, коих в то время считалось до 15 тысяч человек, всегда готовых для стражи и обороны столицы. Как же велико было число обывателей в самой окружности тройственной крепости, то возможно судить по тому, что во время бедствий, в коих за несколько лет и пред тем поляки на них низринули, в одном Бел-Городе, под развалинами погребено до 100 тысяч душ разного пола и возраста.»



Планы Москвы.

Белый Город или Царь Город, выстроенный в годы правления царя Федора Ивановича к концу шестнадцатого века русским зодчим Федором Савельевичем Конём, был не просто хорошо укреплен, а представлял некий шедевр крепостного строительства из кирпича и белого камня. Это была мощная оборонительная линия вокруг Москвы — Белый город. Крепостные стены города имели 28 башен и 11 ворот: Трехсвятские, Чертольские или Пречистенские, Арбатские, Никитские, Тверские, Петровские, Сретенские, Мясницкие, Покровские, Яузские, Васильевские.

Например так выглядела в 17-ом веке угловая Алексеевская (Семиверхая или Семишатровая) башня Белого Города (в наше время здесь стоит Храм Христа Спасителя), согласно картине А. Васнецова.

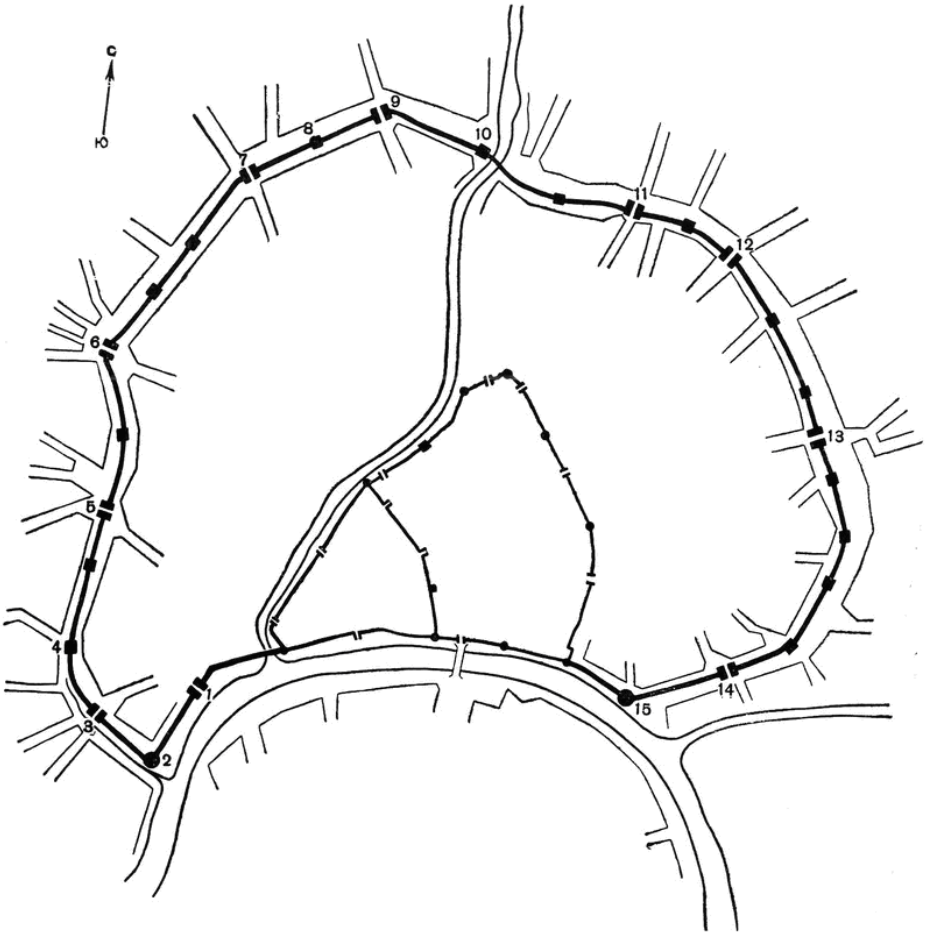


Схема плана Белого города Москвы (Составлена Косточкиным).
1 — Трехсвятские (Всесвятские) ворота; 2 — Алексеевская башня (Семиверхая); 3 — Чертольские (Пречистенские) ворота; 4 — Башня глухая «против Сивцева вражка»; 5 — ***Смоленские (Арбатские)*** ворота; 6 — Никитские ворота; 7 — Тверские ворота; 8 — Башня глухая Дмитровская; 9 — Петровские ворота; 10 — «Башня, что под нее подведена Труба» («глухая, что на Трубе»); 11 — Сретенские ворота; 12 — Фроловские (Мясницкие) ворота; 13 — Покровские ворота; 14 — Яузские ворота; 15 — Башня глухая, круглая, «что на Васильевском лужку» (В. В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь. М., издательство "Наука", 1964).

В октябре 1618 года польский гетман Ходкевич уже имел опыт осады Москвы в 1612 году. Однако тогда он был внутри Белом Города, освобождаемого русскими войсками князя Пожарского. Тогда основные бои развернулись около Алексеевской Башни и Чертольских ворот. Теперь по плану Ходкевича основной осаде должны были подвергнуться Арбатские ворота с последующей прямой атакой на Кремль. Атаку на ворота возглавлял кавалер Мальтийского креста Новодворский. ***Его войска должны были взорвать Арбатские ворота. А отряд под командованием Питера Лермонта должен был ворваться в город.***

С северо-запада поляки намеривались ворваться в Москву через Тверские ворота.

За стенами Белого Города для его защиты находилось не менее, чем 10 тысяч человек. Защитники Москвы были предупреждены о готовящихся атаках на Арбатские и Тверские ворота французскими инженерами из тайного совета Владислава, поэтому стянули к этим воротам хорошо вооруженные и обученные силы.

Георг Лермонт защищал Арбатские ворота в отряде стольника князя Василия Семеновича Куракина в ночь с 10-го на 11-ое октября 1618 года. Отряду Новодворского удалось прорваться через превратный городок и подступить под самые ворота. Однако, когда он прикреплял петарду для взрыва, то был ранен в руку . Вслед за этим русские бросились из ворот и вступили в бой. Одновременно защитники Арбатских ворот открыли огонь из мушкетов по полякам из всех бойниц. Полякам удалось продержаться некоторое время. Но в связи с тем, что резервное подкрепление не подошло на помощь, полякам пришлось отступить. Также неудачно закончилась и атака Тверских ворот.

Во время успешного отражения атаки поляков на Арбатские ворота шотландский отряд потерял павшего в бою поручика Петра Юля, а вместо него во главе шотландской роты был назначен Георг Лермонт. В челобитной царю в 1619 году Георг Лермонт так описывает это событие: «И как государь, пришли к Москве к тебе к государю (имеется в виду из-под Можайска) и грехом нашим пришел под московское государство твой государев недруг королевич литовский с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми со многими своими с ратными, - и мы, холопи твои, в ту пору на Москве в осаде были и на твоей царской службе с твоими государевыми стольниками и воеводою с князем Василием Семеновичем Куракиным у Арбацких ворот; и как был польскими, литовскими, и немецкими людьми приступ к острошку и к Арбатским воротам, а мы холопи твои, были в острошке и на том приступе, мы холопи твои, тебе государю служили, с польскими, литовскими, и немецкими людьми бились явственно, не щадя голов своих, кровь свою проливали за тебя государя, и многие наши братья на том приступе побиты»

В честь победы русского войска над войском Владислава и казаками Сагайдачного царь Михаил Федорович построил в дворцовом селе Рубцове (теперь Покровское) деревянную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. ***Церковь является памятником всем воинам, в том числе и Георгу Лермонту, сражавшимся за честь российского Отечества в 1618 году.*** В 1627 году государь построил здесь же великолепную каменную церковь Покрова, сохранившуюся доныне. По углам с восточной стороны главного куба были пристроены два одноглавых придела Царевича Димитрия и преподобного Сергия Радонежского. С западной стороны была возведена звонница. По церкви дворец и село стали называть с того времени покровскими. Считается, что каменный храм — один из Дворцовых соборов — является памятником русской воинской славы, свидетельством окончания смуты и начала возрождения Отечества.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове — православный храм Богоявленского благочиния Московской епархии.
Храм расположен в районе Басманный, Центрального административного округа города Москвы (Бакунинская улица, д. 83).

Судьбы двух шотландцев, принадлежащих к одному роду Лермонтов и сражавшихся друг против друга в 1616-1618 годах на российской земле: Питера Лермонта, сражавшегося на стороне поляков, и Георга Лермонта, сражавшегося на стороне русских, сложились весьма удачно, но в разных государствах.

Питер Лермонт за отважную службу в рядах войска польского был возведен в чин полковника и в 1619 году получил от Сигизмунда Ш наследственное польское дворянство. Впоследствии он также отличился в польско-турецкой войне. О потомках этого Питера Лермонта в Польше сведений нет.

Поручик Георг Лермонт в 1619 году вместе с товарищами по шотландской роте подал челобитную российскому царю Михаилу Федоровичу Романову с просьбой остаться служить и жить в России.

Возвращаясь к войне России с Польшей 1618 года мы знаем, что взять Москву поляки не смогли, потому что москвичи успели приготовиться к осаде. Тогда Владислав отступил к Троицкой Лавре и требовал ее сдачи, но также безуспешно. Наконец, он вступил в переговоры, и заключено было в деревне Деулине (около Лавры) так называемое Деулинское перемирие. Решили разменяться пленниками; Польша удержала свои завоевания (Смоленск и Северскую землю), а Владислав не отказался от претензий на московский престол. Тяжелы были условия для Москвы, но невелика и слава королевича. И вот 1 июля 1619 г. на реке Поляновке (около Вязьмы) произошел размен пленных; вследствие этого Филарет Никитич и те члены великого посольства, которые дожили до этого дня, вернулись на родину. В середине июня, через две недели после освобождения, Филарет Никитич приехал в Москву, а 24 июня он был поставлен в патриархи.

Как бы ни были болезненны условия мира со Швецией (1617 г.) и перемирия с Польшей (1618 г.), эти два договора дали Московии передышку, в которой она отчаянно нуждалась. Начало восстановительного периода русского государства стало возможно только после заключения этих мирных договоров.

В 1619 году 24 августа Филарет Никитич благословил сына царя Михаила Федоровича на поездку в Кострому, на родину предков, к святым местам. Поддержал отец сына и в привлечении к службе бояр, дворян и иноземцев, пожелавших остаться на Москве. Раздача поместных земель проходила, главным образом, за «Московское сидение», а именно за оборону Москвы в 1618 году. В Костромской земле в этом году много земель было отдано боярам:

Боярину, царскому родственнику, Ф.И.Шереметьеву, который к тому же руководил возведением на престол Михаила Федоровича Романова, дана Покровская вотчина Булинской волости (ныне Макарьевский р-он) с деревнями: Аксеньево, Березняки, Климятино, Леотьево,Лопаты, Матренино, Назарово, Стариково, Стригино, Титово - и погост Емсна с деревнями: Степанцово, Васильково, Озерицкое, Оглоблино, Брялки. Сопровождал Шереметьев Михаила Федоровича и в его поездке на богомолье в Макарьевский монастырь, во время которой и выпросил у царя Троицкую вотчину (кроме села Троицкого на реке Ветлуге, в вотчину входили деревни: Колесиха, Медведки, Онохино, Игнашково, Буторино, Кузнечиха, Вердиха, Бутаково, Заготино, Козованиха). Эту вотчину воевода отдал в приданое своей дочери Евдокии Федоровне, которая вышла замуж за Никиту Ивановича Одоевского. Село стало называться Троицкое-Одоевское.

Боярину Алексею Михайловичу Львову, который не только участвовал в разгроме польских интервентов, но и впоследствии ездил сватать для царя дочь датского короля, дана Ержская волость, принадлежащая Ксении Ивановне Романовой, и погост Шебальской волости на реке Шуе (ныне Антроповский р-он).

Федору Ивановичу Мстиславскому, главе боярского правительства, царскому родственнику, даны Ветлужские черные станы: Воздвиженский, Богородицкий, Троицкий, Воскресенский (ныне Вохомский р-он).

Боярский сын Афанасий Спиридонов получил Вожеровскую волостку (ныне Нерехтский р-он), куда входили д. Михалево, Гаврилино, Осташево, Лаврово, Росияково, Холм, Кузнецово, Ивановское, Давыдовское, Максимово.

Мерзлая слободка с д. Гридино, Константиново, Федорово, Доровинка, Старово, Родишково, Белкино, Пашино, Дорок, Фомино была отдана в поместье окольничему князю Фоме Дмитриевичу Мезецкому (он подписывался в грамоте об избрании на престол Михаила Федоровича.)

Дорофеево с деревнями Коткишкевской волости даны стольнику М.М. Салтыкову, племяннику Ксении Ивановны Романовой.

Нейская волость в Галичском уезде (д. Бискаково, Фатьково, Сабурово, Старово, Устиново, погосты Никола Торжок и Покровский) даны окольничему Никите Ивановичу Годунову.

Репище с деревнями Владыченской волости (ныне Нерехтский р-он) и Доровская волость (ныне Антроповский р-он) – князю Г.П.Ромодановскому (он отличился и в переговорах с крымским ханом в 1615 году).

Салтыковская волость (ныне Нейский р-он) пожалована Артемию Ивановичу Измайлову, который возглавил Суздальское ополчение ополчение в 1611 году, а в 1615-м был в составе московского посольства на переговорах о мире с поляками.

Село Семеновское с д. Бутаково, Панино, Филино, Хлебники, Болотки и др. (ныне Нерехтский р-он) получил С.Т.Овцын, ведущий род свой от муромских князей, предок будущего мореплавателя, исследователя Сибири, сподвижника В.Беринга – Д.Л.Овцына.

В 1621 году получил костромские земли – с. Ильинское на Мезе - М.Н.Кутузов, предок полководца М.И.Кутузова – Голенищева.

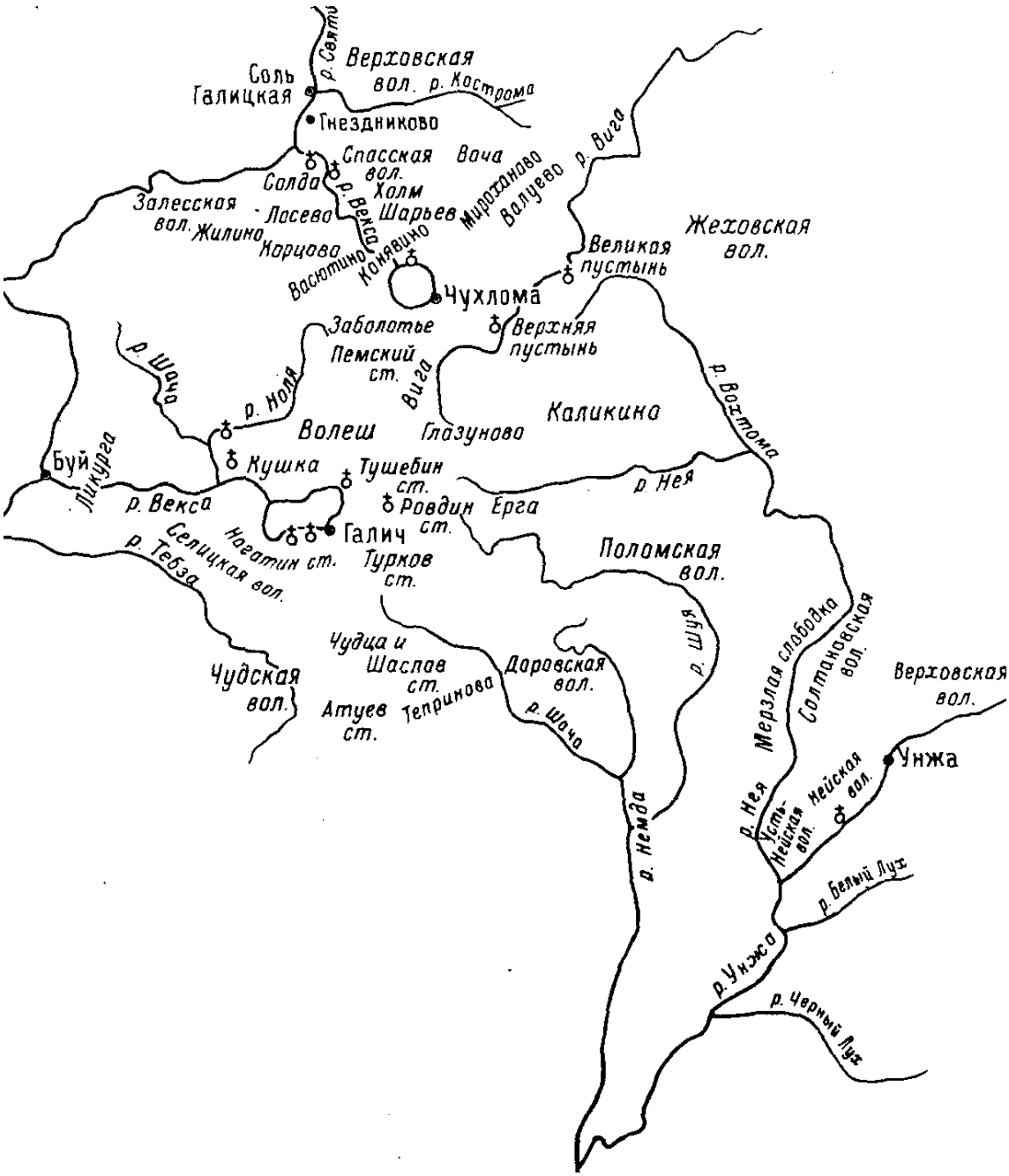
Самому Михаилу Федоровичу, кроме Домнинской вотчины, принадлежала Мерзлая слободка с деревнями: Гридино, Констанотиново, Федорово, Доровинка, Старово, Родишково, Белкино, Паноно, Дорок, Фомино, «да у Мерзлой слободки на реке Шуе мельница, а мелет одним жерновом на оброке за крестьянином Ромашкой Медведевым да за Куземкой Костятниновым а оброку платят по 18 алтын на год».

На территории уцелевшей в 1609 году Чухломской крепости располагался соборный комплекс. Рядом с храмами стояли воеводский двор, приказная изба, подворье Авраамиева монастыря, осадные дома бояр Б. И. Морозова, Г. И. Майкова, Г. И. Горихвостова, И. Я. Колтовского.

В 1619 году поручик Георг Лермонт с товарищами пишут прошение на имя Государя. Они перечисляют свои службы в интересах московского царя, которые они несли не щадя головы и крови своей. Целью прошения является просьба поверстать их помещичьими и денежными окладами. Это означало, что из кормовых, т.е. временно наёмных солдат в московском войске, они желали превратиться в московских служивых людей-дворян, привязанных к государству российскому землёю, а по земле службою.
Резолюция по этому прошению была получена в соответствии с политикой Государя в эти годы. «У нас иноземцев в царскую службу неволею не берут, силою никого не женят и в Московском государстве неволею не оставляют никого; а кто царскому величеству бьет челом в службу, таких великий государь не оскорбляет, ко всяким иноземцам милость свою показывает и от своего царского жалованья не отгоняет.» (С. Соловьёв, том 9). Землями могли быть повёрстаны только те иноземцы, которые пожелали остаться в Московском государстве. В Разряде (книге приказов) был составлен список из 47 человек, пожелавших остаться в Московском государстве и превратиться в русских помещиков. Среди них были поручик Георг Лермонт, капитан Яков Шав, прапорщики Ян Фарфар и Ян Вуд.

Это решение Георга Лермонта остаться в России в 1619 году и определило будущее рода русских Лермонтовых.

Именно в то время, когда царь Михаил Федорович путешествовал по Костромской земле Георг Лермонт, капитан Яков Шав, прапорщики Ян Фарфар и Ян Вуд в 1620 году получили поместья в Костромской губернии: Галичском уезде Чухломской осады Заболотской волости. Интересно отметить, что Заболотская волость числилась тогда за матерью царя Марфой Ивановной. В то время чухломские земли составили собственную административно-территориальную единицу — Чухломскую осаду, в центре которой был г. Чухлома. По-видимому, в те времена Чухломская осада административно управлялась из Галича. По крайней мере в 1643 Чухломской Посад управлялся Галичским воеводой.



Галичский уезд. Начало семнадцатого века.
(Ивина Л.И. «Внутреннее освоение земель России в XVII в.», 1985)

Ввозную грамоту на Галицкое поместье Георг Лермонт получал 9 марта 1621 года. Грамота была подписана думным дьяком Поместного Приказа дворянином Иваном Кирилловичем Грязьевым, известным государственным деятелем при царе Михаиле Федоровиче. Наиболее полно владения Лермонта перечислены в Чухломской «Писцовой книге» за 1628 год (Юдин Г.В. «Материалы для истории города Чухломы и

рода костромичей Юдиных (1613-1895)», Красноярск, 1902; «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел», Санкт-Петербург, 1861-1885; Л.И. Ивина «Внутреннее освоение земель России в XVI веке», Ленинград, 1985; Сторожев В.Н. «Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых», Москва, 1894).

Ниже приведены владения Георга Лермонта в 1628 году в сравнении с состоянием тех же деревень в 1615 году («Дозорная книга по Чухломе», 1615):
За поручиком Юрием Лермантом в поместье усадище , что была **деревня Кузнецово,** а в нем двор помещиков Юрия Лерманта да двор людской, а в нем живут люди его Архипко Федосеевич да крестьянин во дворе Четвертунка Тихонов, во дворе Микитка Постников. Пашни паханые средние земли 22 чети с осьминою да перелогом и лесом поросло 35 чети в поле, а в дву по тому же, сена по лугам 100 копен, лесу не пашенного болота 6 десятин
С 1615 года в деревне Кузнецово остался Четвертунка Тихонов. В 1615: пашни паханы 12 чети, да перелогом и лесом поросло 4 чети в поле, а в дву по том же сена 30 копен, лесу пашенного 2 десятины (4 чети).
Деревня Усольцово на речке на Масленке, а в ней крестьян: в. Михалко Кудрин с сыном с Сенькою, в. Якушко Дмитриев с сыном с Ивашком, в. Климко Яковлевс сыном с Ивашком, пашни паханы середния земли 10 чети да перелогом и лесом поросло 35 чети в поле, а в дву по тому же сена по речке, по Масленке, и по лушком 30 копен.
С 1615 года в д. Усольцово остался Якушко Дмитриев. В 1615: пашни паханы 6 чети , лесу пашенного 10 десятин или 20 четей, и по лушком 20 копен, лесу не пашенного 2 десятины или 4 чети.
Деревня Черемисиново на речке Масленке, рядом с Усольцово, а в ней крестьяне: в. Калинка Терентьев, в. Гурка Терентьев, в. Юрка Иванов, бобыль Харитонко. Пашни паханы серения земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 24 чети в поле, а во дву по тому же, сена 50 копен, лесу не пашенного 2 1\2 десятины (5 четей)
С 1615 года в д. Черемисиново не осталось ни одного крестьянина. В 1615: пашни паханы 5 четей, да перелогом и лесом поросло 9 четей, а в дву тому сена косят 20 копен, лесу пашенного 8 десятин (16 четей) в поле, а в дву по тому же да и не пашенного лесу болото 2 десятины (4 чети)
Деревня Филино на речке Исчезе, а в ней крестьяне: в. Ивашко Панфилов, в. Шумилко Панфилов, в. Илейка Панфилов в. Неустройко Евсевьев, в. Панька Федоров сын Кудрин. Пашни паханы серения земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 38 чети в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 2 1\2 десятины (5 четей).
С 1615 года в д. Филино остался в. Ивашко Панфилов. В 1615: пашни паханы 9 чети, да перелогом и лесом поросло 3 четей, а в дву тому сена косят 20 копен, лесу пашенного 4 десятин (16 четей) в поле, а в дву по тому же да и не пашенного лесу 2 десятины (4 чети).
Деревня Ревякино на речке Мокше, а в ней крестьяне: в.Калинка Тихонов, в. Ивашка Ильин, в. Панкрашка Самсонов, в. Антонко Васильев, в. Якушко Микитин, в. Бобыль Гаврилко Микитин. Пашни паханы серения земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 32 чети с осьминое в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 2 1\2 десятины (5 четей).
С 1615 года в д. Ревякино остался в. в. Якушко Микитин, в. Иванко Ильин. В 1615: пашни паханы 7 четей, да перелогом и лесом поросло 3 четей, а в дву тому сена косят 20

копен, лесу пашенного 8 десятин (16 четей) в поле, а в дву по тому же да и не пашенного лесу 2 десятины (4 чети).

Деревня Семенково на речке Мокше, а в ней крестьяне: в. Федька Игнатьев, Карпунка Иванов, в. Бобыль Гришка Микитин, в. Бобыль Петрушка Юрьев. Пашни паханы середния земли 14 четей, да перелогом 20 чети в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 2 1\2 десятины (5 четей).

В «Дозорной книге 1615 года д. Семенково не числится.

Деревня Копылово (на прудах в 1861, недалеко от деревни Привалкино, между трактом Чухлома-Буй и границей первого стана), а в ней крестьяне: в. Меркушка Власьев с детьми, с Елизаркой, да с Оничкою, в. Ивашка Рогозин, в. Петрушка Захаров, в. Путилка Кононов, в. Бобыль Юрка Степанов. Пашни паханы серения земли 16 четей, да с перелогом и лесом поросло 49 чети в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 6 десятины (12 четей).

С 1615 года в д. Копылово остался в. Меркушка Власьев. В 1615: пашни паханы 6 четей, да перелогом и лесом поросло 4 четей, а в дву тому сена косят 20 копен, лесу пашенного 6 десятин (12 четей) в поле, а в дву по тому же да и не пашенного лесу 6 десятины (12 четей).

Деревня Острожниково на речке Пенке (между западным берегом Чухломского озера, границей второго стана Чухломского уезда и Солигалическим уездом). А в ней крестьяне: в. Поздейко Сергеев с сыном Степанком, в. Минька Иванов с детьми, с Маркушкою и с Микиткою. В. Маркушка Марков, в. Андрюшка Афанасьев с сыном Афонкою, в. Гришка Клементьев, в. Бобыль Васька Фатьев, в. Кирилко да Савенко Антипьевы. Пашни паханы серения земли 10 четей с полуосьмушкою да с перелогом и лесом поросло 23 чети с осьмушкоюв поле, а во дву по тому же, сена 40 копен, лесу не пашенного 2 1\2 десятины (5 четей).

С 1615 года в д. Острожниково остался в. Минька Иванов. В 1615: пашни паханы 24 чети, да перелогом и лесом поросло 4 четей, а в дву тому сена косят 40 копен, лесу пашенного 4 десятин (12 четей) в поле, а в дву по тому же да и пашенного лесу 4 десятины (8 четей).

Деревня Привалкино (в 1861 на источнике недалеко от деревни Копылово, между трактом Чухлома-Буй и границей первого стана Чухломского уезда), А в ней крестьяне: в. Степанко Фомин, в. Митька Захарьев с братьями с Федькою да с Борискою,в. Еуфимка Иванов с пасынком с Сенькою, в. Лукашка Микифоров, в. Еремка Алферьев с братом Шумилкою. Пашни паханы серения земли 10 четей да с перелогом и лесом поросло 45 четей в поле, а во дву по тому же, сена 60 копен, лесу не пашенного болото 10 десятин (20 четей).

С 1615 года в д. Привалкино остался в. Шумилка Алферьев. В 1615: пашни паханы 12 чети, да перелогом и лесом поросло 4 четей, а в дву тому сена косят 30 копен, лесу пашенного 3 десятин (6 четей) в поле.

Деревня Окатово (деревня Окатово уже не числится в списках Чухломского уезда в 1861 году. Она находилась где-то между Острожниковым Привалкино и Кузнецово). А в ней крестьянин в. Оторушка Окинфеев, в. Посничко Васильев с сыном Игнашкою. Пашни паханы серения земли 12 четей да с перелогом и лесом поросло 34 чети в поле, а во дву по тому же, сена 15 копен.

С 1615 года в д. Окатово не осталось крестьян. В 1615: пашни паханы 8 четей, да перелогом и лесом поросло 32 четей, а в дву тому сена косят 20 копен, лесу пашенного 10 десятин (20 четей) в поле.

Пустоши

Пол пустоши Жаворонкова

Три жеребья пустоши Ершовы. Пустошь Ершовы делили Юрья Лермант, князь Иван Долгорукий, князь Василий Амашухович Черкасский;

Пол пустоши Подольные на реке Пенке. Пустошь Подольные делили Юрья Лермант, князь Андрей Волконский, князь Тимофей Волконский;

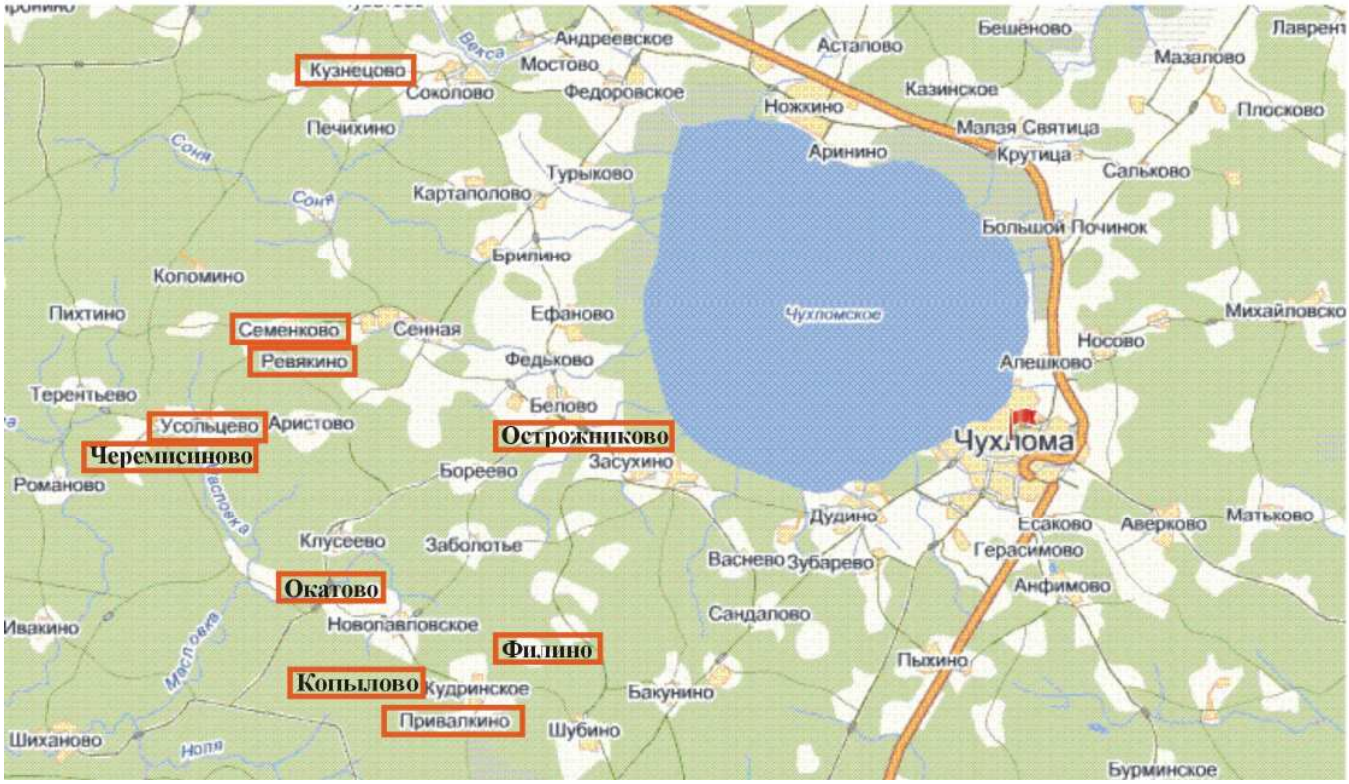
Четь пустоши Шишкина (по видимому между Острожниково, Усольцево, Привалкино) делили: поручик Юрья Лермант, князь Федор Волконский, князь Григорий Волконский, Василий Никитич Пушкин, князь Иван Долгорукий;

Пустошь Козуйково Козьево;

Треть пустоши Старово.

И всего за поручиком за Юрьем Лермантом, в поместье: усадище да 9 деревень жилых, да пустошь, да 3 жеребья пустоши, да в двух пустошах по полу пустоши, да треть пустоши, да четь пустоши, в усадище двор помещиков, всего 53 человека, количество пашни 576 четей, количество копен сена 628, лесу 70 десятин.

Деревни Георга Лермонта располагались вдоль всей западной полуокружности Чухломского озера на расстоянии 7-10 верст (км) от Чухломского озера.



Анализ состояния выше перечисленных земель показывает, что из всех деревень наилучшим образом развивалась деревня Кузнецово. В ней был первый двор\дом построенный Георгом Лермонтом в России и в нем жила его семья. Во все деревнях увеличилось количество вспаханной земли и число копен сена, последнее свидетельствовало об улучшении развития скотоводства. Георг Лермонт заселил одну из

принадлежащих ему пустошей, припахал (присоединил и использовал) 115 четвертей земли и эта земля осталась за ним. Если в 1615 году в деревнях оставалось 23 крестьянина, то в 1628 году во владениях Лермонта жило 53 человека.

В числе соседей Лермонта в Чухломской осаде, Заболотской волости в 1628 году были именитые фамилии князья Волконские, князь Долгорукий, Пушкин. А также были братья Арист, или Эрнест, и Андрей Фамендины, по видимому, получившие земли за Московскую осаду 1618 года. Этот факт в генеалогии Фамендиных не освящен. Род Фамендиных в России берет начало от Эрнста фон-Менгдена. Дворянский род фон-Менгден происходит из Вестфалии, где родоначальник его назывался также фон-Менгден или фон-Менгеде, по имени принадлежащего ему замка «Менгеде» близ города Дортмунд. Иоанн фон-Менгден состоял гермейстером Тевтонского ордена в Лифляндии, от 1450-го по 1469-й год. Родной его племянник, Энгельбрехт, переселился также в Лифляндию, где получил от дяди разные вотчины и был родоначальником всех графов, баронов и дворян фон-Менгден в России. Один из потомков Энгельбрехта, Эрнст фон-Менгден был взят в плен русскими в 1577 году в царствование Иоанна Грозного, препровожден в Москву и впоследствии был принят на службу царем Феодором Иоанновичем. Эрнст фон-Менгден оставил трех сыновей, Эрнста, Андрея и Владимира. В «Чухломской Писцовой книге 1628-1635» (объединенной Г.В. Юдиным в книге «Материалы для истории города Чухломы», 1902, стр. 232.) Эрнеста называют Аристом. Арист Семеновичем и Андрей Семенович (отчество модифицировано в стиле тогдашних русских традиций) Фамендины владели поместьем в деревне Усольцево на реке Ноле и еще несколькими деревнями в этих местах (не путать с деревней Усольцево на реке Масленке, которой владел Георг Лермонт). У Андрея, умершего ротмистром в 1643 году, был сын Георгий, или как его называли Юрий Фамендин или Фаминдин. Юрий провел молодость в Москве, в немецкой слободе, где и сошелся с Петром Великим, участвовал в его играх , принадлежал к Потешной роте и впоследствии командовал Преображенским полком, с 1695 года по 1700 год. В 1684 году он жил в Киеве, где имел собственный дом. **Юрий Фамендин был в приятельских отношениях с Патриком Гордоном,** также сподвижником Петра Великого. В 1690 годах он изъездил почти всю Россию. Юрий нарисовал первую географическую карту России, в чем ему помогал граф Яков Даниил Брюс, сделавший чертеж карты, появившейся в начале XVIII века в Амстердаме.

Мы не можем исключить, что, возможно, именно через Фамендиных, своих соседей по поместьям в Чухломе, Лермонтовы были знакомы с Патриком Гордоном, который поставил свою подпись под родословной Лермонтовых в 1688 году.

Потомок одного из братьев Фамендиных, Эрнеста\Ариста Фамендина - фон-Менгдена, послужил прообразом для Алексея Александровича Каренина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

В этот период времени (1620-1625 г.г.) Георг Лермонт женился во второй раз на русской женщине Екатерине Федоровне NN. У него родилась дочь Екатерина приблизительно в 1623-1625 гг.. От первого брака у Георга Лермонта было три сына: старший Вилим (Вильям), средний Петр (Питер) и младший Андрей (Андрю\Генри), все названные шотландскими именами. Отношения с последней русской женой у него были, по-видимому, весьма хорошие, т.к. жена приняла его детей, но официально называла их пасынками. Интересно отметить, что Екатерина Федоровна называет в качестве пасынков

только Петра и Андрея, но ни словом не упоминала Вилима. Из чего следует, что Вилим не жил со второй семьёй Лермонта. Известно, что Вилим самостоятельно находился на службе в Московии. Это косвенно указывает на то, что в это время он был в возрасте пригодном для военной службы. В 1628 году материальное положение Лермонта было более чем благополучно, такое, что его «женишка с детишками» по дворам ходить отнюдь не станут (В. Сторожев, 1894, стр. 13).

Для того, чтобы оценить количество земель, полученных Лермонтом в Заболотской волости Чухломской осады, необходимо было провести сравнение поместий всех жалованных землей в Заболотской волости. Такое сравнение приводится ниже в виде списка и таблицы.

Список землевладельцев в Заболотской и частично в прилежащей Васютскинской волостях Чухломской осады по «Писцовой книге г. Чухломы 1628-1635»

Васютинская

Иван Иванович Леонтьев: 24 человека, 155 чети, 266 копен, 57 десятин лесу

Богдан Постников сыном Бельским: 4 деревни, 15 дворов 47 человек, 9 бобыльских 15 человек, 15 дворов пустых, 122 чети, 175 копен, лесу пашенного 56 десятин.

Бельские, представители старинного, но обедневшего боярского рода, владели селом скорее всего до конца 30-х годов XYII века, до перехода его во владение Милославских.

Александр Федоров Нащокин: 5 деревни, 8 дворов 28 человек, 4 бобыльских 10 человек, 11 дворов пустых, 166 чети, 155 копен, лесу пашенного 56 десятин.

Иван Яковлев Нащокин в Валуевской: 1 деревни, 1 дворов 4 человек, 4 бобыльских 3 человек, 3 дворов пустых, 28 чети, 61 копен, , непашенного – 1 десятина.

Согласно Боярской книге 1639 года оба Нощокина были дети боярские. Нащокины - дворянский род, происходящий, по преданию, от выходца из Италии в Тверь к великому князю Александру Михайловичу, в крещении названного Дмитрием. Его сын Дмитрий, тверской боярин, был ранен в щеку в бою тверитян с ханским послом Шевкалом (1327) и вследствие этого получил прозвище Нащока.

Заболотская

Князь Иван Федорович Волконский в поместье, что было прежде за отцом Федором Волконским: 4 1\2, деревни, пустоши 3, 11 дворов 24 человек, 5 бобыльских 5 человек, 200 чети, 255 копен, лесу пашенного 33 десятин, непашенного – 17 десятин.

Князь стольник Федор Федорович Волконский: поместье 1 дер. + 1\2, деревни, пустоши 3, 6 дворов 13 человек, 3 бобыльских 6 человек, 120 чети, 105 копен, лесу пашенного 5 десятин, непашенного – 15 десятин.

Тимофеем Степановым Владычкин: поместье 1 дер. + в двух по 1\2, деревни, пустоши 3, 7 дворов 14 человек, 5 бобыльских 6 человек, 225 чети, 86 копен, лесу пашенного 5 десятин, непашенного – 15 десятин.

Согласно Боярской книги 1658 года Тимофей Степанов сын Владычкин – боярин.

Гаврила Ладыгин (Лодыгин): поместье 1 дер. + 5 деревни, пустоши 2, 21 дворов 37 человек, 13 бобыльских 17 человек, 355 чети, 445 копен, лесу пашенного 38 десятин, непашенного – 27 десятин.

Гавриил Семенович Лодыгин был воеводой в Галиче в 1624-1627 годах. Лодыгины (Ладыгины) - русский дворянский род, происходящий от боярина Андрея Ивановича Кобылы, внук которого, Григорий Семенович, прозванный Лодыга, был родоначальником Лодыгиных Лодыгины (Ладыгины) - русский дворянский род, происходящий от боярина Андрея Ивановича Кобылы, внук которого, Григорий Семенович, прозванный Лодыга, был родоначальником Лодыгиных. Занимали высокие посты при Иване Грозном.

Князья Тимофей и Андрей Михайлов Волконские: поместье 1 дер. + 3 1\2 деревни, пустоши 3, 12 дворов 14 человек, 8 бобыльских 10 человек, 250 чети, 318 копен, лесу пашенного 20 десятин.

Стременной конюх Андреем Булгаков: 2 деревни, пустоши 2, 10 дворов 15 человек, 2 бобыльских 2 человек, 100 чети, 115 копен, лесу пашенного 1 1\2 десятин.

Род Булгаковых ведет начало от Гедимина. Его правнук князь Патрикий Александрович Звенигородский, согнанный с удела на Волыни Витовтом, выехал в 1397 г. в Новгород и сделался родоначальником князей Патрикеевых, Хованских, Булгаковых и др.

Федор Иванович Раков: в поместье 3 деревни, пустоши 2, 10 дворов 17 человек, 13 бобыльских 17 человек, 100 чети, 152 копен, лесу пашенного 5 десятин, непашенного – 8 1\2 десятин.
Немчина Матвей Матвеевич Дивелев: поместье усадище + 1\2 деревни, 6 дворов 15 человек, , 79 чети, лесу пашенного 2 1\2 десятин, непашенного – 27 десятин.
Ян Синовский: поместье в нем 5 деревни, пустоши 1, 21 дворов 29 человек, 4 бобыльских 4 человек, 216 чети, 274 копен, лесу пашенного 14 десятин, непашенного – 4 десятин.
Петр Васильев Волынский: поместье в 4 деревни, пустоши 2, 16 дворов 23 человек, 8 бобыльских 9 человек, 222 чети, 365 копен, лесу пашенного 25 десятин, непашенного – 12 десятин.
Волынские - старинный русский дворянский род, ведущий начало от выехавшего из Волыни к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка, прославившегося в Куликовской битве и женатого на сестре великого князя, Анне Ивановне.
Согласно Боярской книги 1607 года Петр Васильев сын Волынского – боярин.
Галичанин Андрей Перелешин: в поместье усадище 3 деревни, пустоши 1 1\2 в ней дом помещиков и в нем 1 человек; 17 дворов 20 человек, 7 бобыльских 7 человек, 230 чети, 226 копен, лесу пашенного 16 десятин, непашенного – 11 десятин.
Андрей Перелешин был в то время Галицким губернским старостой.
Михаил Андреев Желиборский: в поместье деревня жилая, пустоши 2 ; 1 дворов 2 человек, 2 двора пустых, 99 чети, 45 копен, лесу пашенного 9 десятин, непашенного – 27 десятин.

Таблица. Владения некоторых помещиков в Заболотской волости Чухломской осады по «Писцовой книге г. Чухломы 1628-1635»

	Помещик	**Коли-чество дере-вень**	**Крестьн-ских дворов и в них людей**	**Бобыль-ских дворов**	**Пуст-оши**	**Количество Пашни в четях**	**Сена в коп-нах**	**Лес в десятинах**
1	Юрья Лермант	10	37 53 человека	6 6 человек	4	Средней 128 3\4)+ Перелогом Лесом 447 1\4) Всего 576	628	Пашенного 8 + Непашенного 62 3\4
2	Ян Фарфар	9	31 40 человек	11 11 человек	5	475	571	Пашенного 34 + Непашенного 62 1\2
3	Ян Вуд					За ним в Заболотской Парфень-евской и Окологород-ной волостях было 488 четей		
4	За вдовою Якова Шава – Ариною с сыном Яковом и дочерьми: Анюткою и Катеринкою	5	28 45 человек	2 2 человека	3	322	418	Пашенного 21 + Непашенного 74
3	Никита Михайлович Пушкин,	5 1\2	15 22	5 6 человек	3	200	221	Пашенного 14 + Непашенного

	окольничий с 1619 года. Умер в 1622 г. С 1622 г. сын Василий Никитич Пушкин по купчей. Землями владеет		человека					27
4	Князь Григорий Константи-нович Волконский По прозвищу Кривой	6 1\2	16 52 человека	8 13 человек 4 двора пустых	2	300	450	Пашенного 23 + Непашенного 19 1\2
	Князь Иван Михайлович Долгорукий	4 1\2	12 20 человек	8 9 человек	3	200	289	Пашенного 30 + Непашенного 39
	Князь Василий Амашухов Черкасский	3	10 11 Человек	1 1 человек	2	100	190	Пашенного 19 + Непашенного 1
	Стольник Князь Василий Ромодановский (В имении не жил, имел управляющего)	6	15 36 человек	5 6 человек	3	382	402	Пашенного 10 1\2 + Непашенного 60
	Гаврила Ладыгин (Лодыгин) воевода в Галиче 1624 - 1627.	1 поместье + 5 дер.	21 37 человек	13 17 человек	2	355	445	Пашенного 38 + Непашенного 27
	Петр Васильев сын Волынский (Сын боярский, 1607, Боярский список)	4	16 23 человека	8 9 человек	2	222	365	Пашенного 25 + Непашенного 12
	Арист (Эрнест) Семенович Фамендин	2	6 10 человек	3 4 человека		112	143	Пашенного 9 + Непашенного 20 1\2
	Андрей Семенович Фамендин	1	3 4 человека	2 2 человека	2	114	140	Пашенного 6 + Непашенного 5
	Арн Иванович Бук переводчик	5	18 39 человек	4 5 человек	4	302	232	Пашенного 22 1\2 + Непашенного 79

Вышеприведенные данные свидетельствуют сами за себя. Из всех испомещенных в 1628 году в Заболотской волости Чухломской осады Георг Лермонт имел больше всех деревень, а в них крестьян, больше других имел земли и лесу. Два других «бельских сидельца» Ян Вуд и Ян Фарфар, тоже сражавшиеся против поляков под Москвой в 1618 году, получили в поместье также больше угодий, чем члены известных русских фамилий, но меньше, чем Георг Лермонт. Это вероятнее всего связано с воинскими достоинствами Георга Лермонта. В сентябре 1618 года Георг Лермонт в чине поручика возглавил «шкотскую» роту. Так что в октябре 1618 года в битве за Арбатские ворота он командовал «шкотской» ротой. Интересно, что Гавриил Семенович Лодыгин, который был воеводой в Галиче в 1624-1627 годах получил поместный оклад меньше, чем Георг Лермонт. Мы, конечно, не исключаем, что представители видных российских родов владели землей и в других уездах и губерниях. Однако в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 года мелкими считались поместья до 70 четвертей (четверть = 0,5 га), средними – от 70 до 200 четвертей и крупными – свыше 200 четвертей. Так что поместье Георга Лермонта было более, чем крупное. Вот почему его «женишка с детишками» по дворам отнюдь не ходили.

В 1618-1630 годах в российском государстве наступил спад напряженности. Помещики могли заняться своими хозяйствами, а опустошенные поляками края стали вновь обустраиваться. Но даже к 1628 году, например, в Галиче одна треть дворов еще продолжала пустовать. Так что Георг Лермонт с семьей, поселившись на чухломских землях в сложный для России исторический период и будучи иноземцем, должен был прилагать чудеса трудолюбия и мастерство хозяйственника, чтобы поддерживать семью в сытости, а поместье в благоустройстве. Полагаю, что Георг Лермонт был знаком с историей края и знал об исторической важности Галичских и Костромских земель в становлении царствования Михаила Федоровича Романова на Руси. Поэтому определенное чувство гордости за край, где он получил земли, вдохновляло его в повседневном труде и военной службе.

Можно себе представить, что в те далекие 1620-1630 годы Георг Лрмонт, объезжая свое поместье раздумывал, что теперь ему придется налаживать и поддерживать хозяйство по чинам и четям, и с дальним прицелом обеспечения подрастающего поколения. К 1628 году Лермонты прожили в Чухломской осаде уже около 7 лет и уразумели, что климат в этих краях суровый. Зима длится с долго с октября по май, снегу выпадает много в среднем до полутора метров. Снег начинается в октябре, но и в апреле снегопад не вызывает удивления. Крепкие морозы до 20оС могут длиться неделями, но бывает и холодней. Весна короткая, но после того, как в конце апреля вскроются реки и озеро, наступают ясные дни. Летний, пригодный для земледелия период, продолжается около двух - трех месяцев. Лето довольно жаркое и более сухое, чем влажное, со средней температурой 17-18оС. Вообще климат в этих местах здоровый для жизни, люди крепкие, работящие и приветливые.

Лермонты, поселившись в 1620 годах на берегу Чухломского озера, безусловно пользовались его богатым рыбным разнообразием. Чухломское озеро ледникового происхождения, с возрастом около 12-25 тысяч лет, с мощными иловыми отложениями. Наибольшая длина его 8,6 км, ширина 7,5 км, общая площадь 50 тыс. га. В него впадают 16 речек, а вытекает всего одна река – Вёкса, впадающая на территории Солигаличского района в реку Кострому, следовательно Чухломское озеро соединяется и с рекой Волгой.

Во времена первых Лермонтов глубина озера была 10 м, сейчас уменьшилась до 4,5м. Озеро бывает покрыто льдом с октября по май. Чухломское озеро по форме почти идеально круглое. Небольшой залив в районе Авраамиева Городецкого монастыря делает его похожим на сердце. На протяжении столетий озеро имело промысловое значение: карась, линь, язь, окунь, щука и ерш – это основное рыбное достояние озера. Рыбы вылавливалось до нескольких тысяч пудов за год. В зимнюю пору жители в довольстве ловили рыбу относительно простым способом. Зимой рыбе под водой становится душно и она подплывает к прорубям или к промоинам, образующихся около речек и ключей. Чем ненастнее погода, тем удачнее зимний лов, рыба густыми стаями толпится у открытых пространств. И тогда её просто вычерпывают сетками и складывают на возы. На одного ловца, как правило, приходится по возу рыбы. Главная ценность озера – золотой карась. Размеры карасей достигали полуметра в длину и весили 3-4 кг, отличались отменными вкусовыми качествами и высоким темпом роста. Считается, что караси в Чухломском озере какие-то особенные, каких нет нигде в мире. Этих карасей с незапамятных времен доставляли к царскому столу. Первым владельцем Чухломского озера был Солигаличский Воскресенский монастырь, получивший в 1335 году две трети его. В XVII веке (с 1629 г.) им владели бояре Морозовы, у которых был дом на посаде в Чухломе. После их смерти в 1674 года озеро перешло во владение царя Алексея Михайловича. В 1797 году по указу Павла I оно передано Авраамиеву монастырю, который и владел им до 1917 года. Во все времена до революции за ловлю рыбы в Чухломском озере платили оброк, натуральный или деньгами.

Вся Костромская губерния представляла и представляет собой холмистую равнину, рассеченную многочисленными речными долинами. С севера на юг её пересекает Галичско -Чухломская гряда. Высочайшие точки этой гряды в Солигаличском, Чухломском и Галичском уездах - 292 м, находится рядом с селом Раменье приблизительно в десяти верстах от каждого из владений Лермонта.

По характеру земельного богатства Чухломская осада (впоследствии Чухломской уезд), относится к северо-западному краю Костромской губернии (сюда же относятся

Буйский, Солигаличский и Галичский уезды). Угодья в этом крае распределяются: лесов 64%, полей 27%, лугов 4.6 %, неудобной земли 1.6% и под водой 2% (по данным 1857 года). Для сравнения в северо-восточной части губернии леса покрывают, например, до 85% местности. В Галичском, Буйском, Солигаличском и Чухломском уездах леса более хвойные, т.е. господствующие породы ель, реже сосна; с этими породами смешиваются так называемые дровяные: осина, береза, ольха и другие кустарные и лиственные породы. Леса неравномерно покрывают территорию, так в Заболотской волости, где были расположены деревни поместья Георга Лермонта, пересеченная оврагами местность полого спускается с возвышенности к Чухломскому озеру. Леса здесь более лиственные, т.е. дровяные. К северу от деревни Привалкино, где проходила дорога из Буя в Чухлому, местность большею частью лесистая и возвышенная, а у истоков реки Ноли болотистая. Это пожалуй единственный болотистый участок во владениях Лермонта.

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

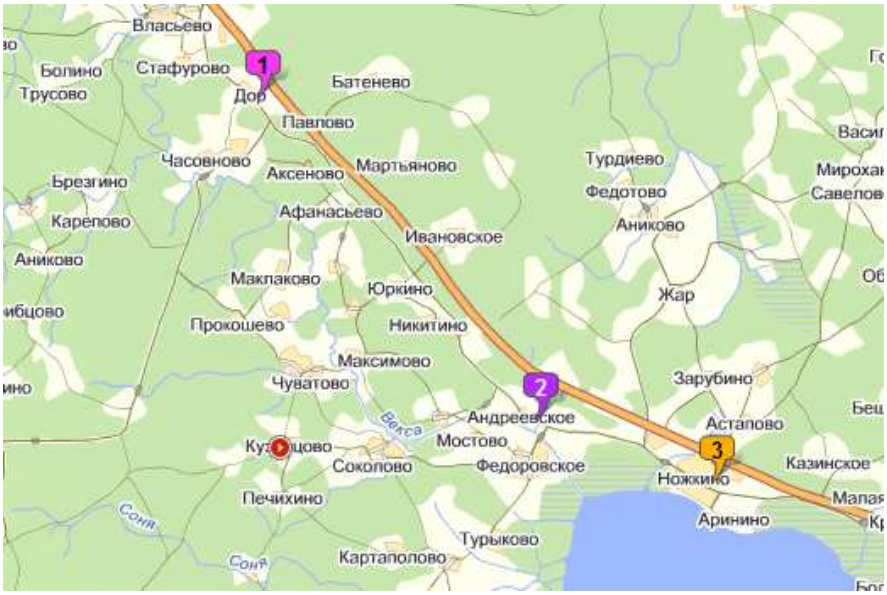
Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

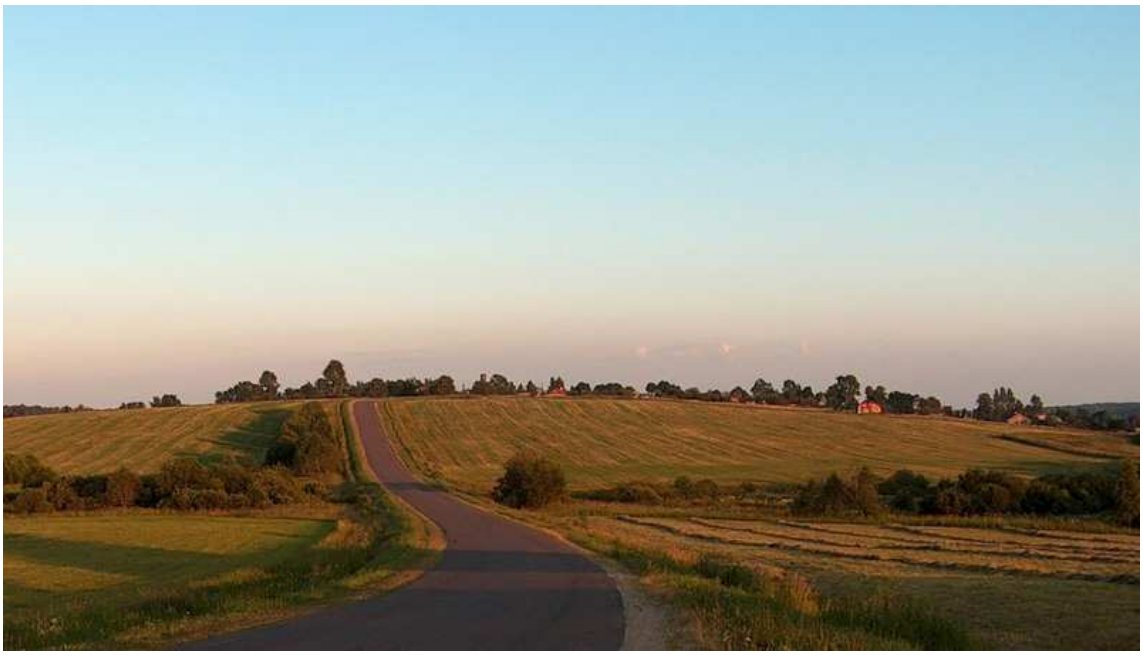
Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.
(1910, Сергей Есенин)

Земледелие и скотоводство во времена Георга Лрмонта были почти единственными доходными статьями семьи. Земли, затопляемые весенними разливами рек: Масленки, Пенки, Сони, Вексы чухломской, оставляли преимущественно под сенокосами. В поместьях Лермонта земли по своей природе подзолистые, а по характеру глинистые и суглинистые. Последние – это смесь песка с глинистой почвой. По мнению местных крестьян глинистые почвы считались хорошими, особенно для озимых хлебов, но требовали удобрений, источником которых было скотоводство. Такие почвы получили название легких, т.е. легко вспахиваемыми. Представление о земледелии в поместье Кузнецово Георга Лермонта можно получить из путевых заметок Ивана Ивановича Корнилова (выходца из заонежских крестьян, оставившего труды в библиотеке Корниловых) («От Костромы до Соль-Галича», 1857. Опубликовано в «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1862, С.-Петербург,

издаваемом историком академиком Николаем Васильевичем Калачовым). Поместье Кузнецово располагалось в 10 верстах от деревни Ножкино и 5.5 верстах от села Андреевское, что на берегу Чухломского озера, и в 8 верстах от деревни Дор, что была на почтовом тракте из Чухломы в Солигалич.



Корнилов пишет, что в Ножкино, Андреевском и в Доре почва была рыхлая и легкая для обработки, её пахали косулею (тип сохи, усовершенствованная) на одной лошади, много заливных лугов. В Андреевском и в Ножкино мужики были богатые, угодьев вдоволь, луга хорошие, рыбная ловля такова, что рыбу руками черпали. По-видимому, такие же условия земледелия и выпаса были и в деревне Кузнецово Георга Лермонта. Ведь недаром он построил свой первый дом именно в этой деревне. Озимая рожь составляла тогда главный предмет хлебопашества. Яровую пшеницу сеяли в основном на огнищах (срубленный и спаленный лес, для распашки). Сеяли также овес, ячмень, гречиху, коноплю, лен. Система хлебопашества была, и оставалась веками, трехпольная.



Русское поле, Чухлома (http://img-fotki.yandex.ru)

Интересно отметить, что в неурожайные годы Чухломской и Галичский уезды страдали менее всего в Костромской губернии и даже продавали хлеб в Вологодскую губернию (1857 год: «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба». Т. 12, Я. Крживоблоцкий, Костромская губерния, СПб., 1861, с. 223). Скотоводство имело важное значение с точки зрения продовольственного обеспечения, но в большей степени как тягловая сила, средство передвижения и источник удобрения почвы. Недаром в 1628 году в «Писцовых книгах» указывалось, сколько копен сена заготовлено в поместье. У Георга Лермонта их было заготовлено 628. Для прокорма лошади требовалось около 250 пудов сена в год, коровы – около 180 пудов соломы, овцы (свиньи, козы) – около 30 пудов сена в год. Каждая копна весила в среднем 12 пудов. Таким образом в поместье Георга Лермонта заготавливалось около 7 500 пудов сена. Имея такие запасы сена, семья Лермонта могла содержать одновременно, например, до 20 лошадей, 30-50 овец, коз и свиней. На прокорм коров, видимо, шла солома после обработки хлебов. Таким образом даже по средней оценке хозяйство Лермонта было значительным. Георг Лермонт любил свое хозяйство и был рачительным хозяином, о чем свидетельствует сравнительное состояние его деревень и земли в 1615 и в 1628 годах (см. выше).

Чухломская осада\уезд имели огромные пространства строевого леса, а мастера деревообработчики славились на всю Россию своими художественными постройками. Дома строились добротные и красивые, затейливо украшенные. В Чухломе можно было увидеть «деревянные постройки всех рангов и видов полукольцом окружали старую крепость и площадь. Рубленые избы чередовались с домами, обшитыми по-хозяйски досками, простые тесовые кровли сменялись затейливыми покрытиями из серебрящегося лемеха, покосившиеся скромные калитки соседствовали с чванливыми резными воротами. Дерево... сплошное дерево — только что срубленное, плачущее янтарными слезами смолы и поседевшее от времени и непогоды; бревна в два обхвата и тонкие жерди, узорные

охлупни и безликие тесины сухого леса и звонкого» (Тиц А.А. «На земле древнего Галича», изд-во «Искусство», Москва, 1971, стр. 64). Можно полагать, что дом в поместье - усадище Кузнецово семьи Лермонтов был выстроен в традициях древней деревянной культуры этого края. Ни одной усадьбы Лермонтовых в Галичском уезде вы не найдете сегодня. Как пишет в предисловии к замечательной книге историка архитектуры Михаила Витольдовича Красовского «Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество», изданной в 1916-м году, архитектор-реставратор Д.А. Бутырин, «в 20-м веке был утрачен огромный пласт русской традиционной культуры, уцелевшей лишь в редких, сохранившихся, в основном, на Русском Севере, памятниках. Ушла культура создания образного строя сооружений из дерева; разрушены традиции в строительстве жилых построек; культура обработки дерева; утрачены смелые конструкторские и инженерные приёмы, увеличивающие долговечность зданий; утрачена и высокая культура ландшафтной архитектуры» (leskos.ru).

Может быть дом Георга Лермонта был похож на этот?

Или на этот?

На протяжении XVII века в приказном делопроизводстве широкое распространение получает тогда новое написание слова «усадище» — «усада», смысловое определение которого сводится к месту в селении, занятому господским двором и земельным участком. Это понятие быстро превращается в «усадьбу»: поместный дом, двор, окружающие угодья. Георг Лермонт – основатель рода Лермонтовых, был первым владельцем усадьбы в роду Лермонтовых. Как мы увидим позже традиция Лермонтовых – усадебное хозяйство, сохранила свое значение до настоящего времени, до двадцать первого века, приобретая не частнособственническое, а историческое значение.

В те далекие годы важным признаком, влияющим на уклад жизни был религиозный. Георг Ленмонт поселился в крае с древними христианскими традициями. Самым значительным и влиятельным религиозным центром был Авраамиев Городецкий монастырь (Костромской и Галичской епархии), в селе Ножкине Чухломской осады. Он был основан в конце XIV века преподобным Авраамием Галичским (Чухломским, Городецким) на месте заброшенного «городка» («городца»), на северном берегу Чухломского озера. Авраамиев Городецкий монастырь располагался в 10 верстах от усадьбы Кузнецово Георга Лермонта. В 1608 году «по вере и обещанию» царя Василия Иоанновича Шуйского в монастыре был заложен первый каменный пятиглавый двухстолпный собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы с особым Ильинским приделом над гробницей преподобного Авраамия (преставившегося в день пророка Илии). Из-за свержения в 1610 году царя Василия Шуйского и событий Смутного времени строительство Покровского собора было закончено лишь в 1631 г.

Авраамиев монастырь (автор Вячеслав Нечаев).

Огромное число паломников каждый год приходило к стенам этого монастыря. Величественный собор Авраамиева Монастыря, строившийся на глазах Георга Лермонта, вереницы паломников, глубокая набожность местного населения и жены Лермонта Екатерины Федоровны не могли не отразится на душевном состоянии христианина, хотя и протестантской веры, Георга Лермонта. Нет сомнения, что дети Лермонта, по крайней мере, его старший сын Петр, крестившийся в 1653 году в православную веру, воспитывались в духе православия.

Кроме Авраамиева Монастыря в «Писцовых книгах Чухломского уезда» 1628-1635 годов перечислены двадцать шесть церквей. В городе Чухломе на посаде: Церковь Успенья Пречистой Богородицы, да церковь Воскресения Христова; Церковь Николы Чудотворца, да церковь Афанасия и Кирилла Александрийских Чудотворцев внутри города. Церкви в других деревнях, селах и на погостах заслуживают также внимания. Прежде всего потому, что церкви, посвященные русским святым, строились христианами этих мест с любовью, в стиле художественных народных особенностей местных зодчих, с одним и тем же названием в одном и том же месте на протяжении четырех веков. Они разрушались набегами чуземцев, сгорали, но вновь на том же месте вставали из пепла. И только революция семнадцатого года и советская власть варварски уничтожили эти храмы веры и благочестия русского народа. Хотелось бы привести небольшой список, подтверждающий это утверждение.

В 1628 году Церковь Архистратига Михаила в селе Михайловском в Окологородной волости (налог платил человек Горихвостова). По данным 2010 года Архангельская с. Михайловского зданием каменная; звон устроен на деревянных столбах, обшитых тесом; храм построен в 1800 г. помещицей Елизаветой Михайловной Шиповой (в девичестве Лермонтовой, Острожниковская Линия). Ограда деревянная при каменных столбах. Кладбище в 50 саж. от церкви, обнесено дерев. изгородью. Престолов 3: а) в честь Преображения Господня, б) св. Архистратига Михаила и в) святит. Николая Чуд. В 1939 г. располагался Чухломский краеведческий музей им. А.Ф.Писемского. Развалины в 2006 году.

В 1628 году Церковь Николая Чудотворца Понизовской волости (налог платил человек князя Львова). По данным 2010 года Николаевская с. Понизья каменная, с такою же колокольнею; построена в 1797 г. старанием г. Сергея Михайловича Лермонтова и прихожан. Кладбище при церкви в ограде. Престолов 3: в холодной а) в ч. Преображения Господня, в теплой б) во имя святит. Николая, в) в ч. Покрова Богоматери. Развалины в 2006 году.

В 1628 году Церковь Успенье Пречистой Богородицы в Заболотской волости в Сенной. По данным 2010 года Успенская с. Сенной зданием каменная, с такою же колокольнею, построена в 1773 г. тщанием прихожан. Ограда каменная с жел. реш. Кладбище в церковной ограде. Престолов 3: а) в честь Успения Божией Матери, б) св. ап. Петра и Павла, в) преп. Сергия Радонежского, чуд. В 2006 году заброшенные развалины.

В 1628 году Церковь Воскресенье Господне в Заболотской волости. По данным 2010 года Воскресенская с. Заболотья зданием каменная, с такою же колокольнею, постр. в 1770 г. тщанием прихожанина - помещика Григория Дионисьевича Черевина. Ограда деревянная. Кладбище в церковной ограде. Престолов 3: а) в честь Казанской иконы Божией Матери, б) св. ап. Петра и Павла, в) св. вмч. Димитрия Мироточ. Деревянная, построена 1749 года. Престолы: во славу Воскресения Иисуса Христа из мертвых, в честь Благовещения Божией Матери и святит. Николая. В 2006 году заброшенные развалины.
Аналогична участь всех других церквей. От некоторых из них остались торчащие из земли надгробные кресты погостов. Грустно.

Но вернемся к Георгу Лермонту и роду Лермонтовых, которым довелось и видеть эти замечательные памятники русского архитектурного искусства и самим их строить, глубоко веруя и молясь во славу отечества.

Поверстанный поместьем почти в 600 четей и окладом в 50 рублей Георг Лермонт по довольству сравним с московскими дворянами, например с Романом Андреевичем Вельяминовым (поместный оклад Вельяминова составлял 400 четвертей земли). Поместные дворяне составляли основу русского войска. На войну брали по одному конному человеку с 300 четвертей земли «добрых и оружных». В походы они обязаны были подниматься за свой счет, заранее позаботившись о подготовке снаряжения и провианта («домовых запасов»). Русские помещики «со всей своею службой» (военными слугами, лошадьми, оружием и припасами) выступали в поход за счет доходов с вотчин и поместий. Накануне похода из Разряда в города на имя воевод и приказных людей рассылались царские грамоты с предписанием всем назначенным идти на войну дворянам и детям боярским готовиться к выступлению. Собраться на «государеву службу» и прибыть на сборный пункт к назначенному времени они должны были «с людми и конми

и с доспехом». Подготовленные служилыми людьми продовольственные запасы отправлялись к месту общего сбора раньше, как правило, по зимнему пути.

Обустраивая своё поместное хозяйство Георг Лермонт осознавал, что на военную службу он должен являться по чинам и четям.

У нас нет данных о военной службе Лермонта в 1621-1630 годах. Можно лишь предполагать на основании существующих в то время законов, что Георг Лермонт мог участвовать в защите южных границ российского государства, которые продолжали подвергаться набегам татар.

Согласно исследованиям Олега Скобелкина обычно в середине весны из Разряда направлялась память в Иноземский приказ с распоряжением вызвать в Тулу тех иноземцев ("лит-ву, немец, и всяких иноземцов, помесных и кормовых"), которые в предшествующем году "на государеве службе в полкех не были, а жили по домам". Иноземский приказ, в свою очередь, переадресовывал это распоряжение городовым воеводам, рассылая грамоты по тем уездам, где жили служилые иноземцы. Вызванные на службу обычно должны были прибыть в Тулу в первой декаде мая (в разные годы – по-разному: к 1 мая, к Николину дню (9 мая) и т. д.). Срок пребывания 1-й половины на службе в полку обычно определялся так – "все лето до отпуску", "с весны и во все лето".

Что касается иноземцев той "половины", которая была на службе в предшествующем году, требовалось, чтобы "они на государеву службу были готовы, лошади кормили и запасы пасли; а быти им на… службе по вестем, и о службе б ждали государева указу". При этом их следовало предупредить, чтобы они "в дальние места не розъезжались и были б в деревнях со всею службою наготове". Задействовать их должны были только в случае получения "про воинских людей больших вестей". Если же обстановка на южных границах оставалась спокойной, служилым иноземцам "другой половины" предстояло прибыть на службу в Тулу только в следующем году и, так же, как и их товарищам, пробыть там все лето.

Ежегодно, в конце зимы – начале весны по запросу из Разряда в Иноземском приказе составлялись списки служилых иноземцев "обеих половин". Соответственно, каждый такой список состоял из двух частей: в одной части перечислялись те, кто был на службе в прошлом году и, соответственно в текущем году находился, так сказать, "в запасе", в другой – те, чья очередь была быть на службе в текущем году.

В 1620-1630 годы Московское государство переживало трудное время становления власти династии Романовых. Вот краткий перечень этих событий:

Женитьба царя на княжне Долгоруковой и кончина царицы (1624). - Женитьба царя на Евдокии Лукьяновне Стрешневой (1625). Сношения с Крымом и ногаями. Дела шведские; царские наказы воеводам относительно дел церковных и перебежчиков; сношения с Густавом-Адольфом по поводу Польши (1626); Сношения с Англиею; вспоможение, оказанное английским королем царю в войне с Польшею; приезд Мерика и переговоры с ним; мнения московских гостей об английской торговле; прекращение вопроса о проезде английских купцов в Персию по Волге. Первый французский посол в Москве. Посольства: голландское, датские, венгерское, персидские. - Дела польские: причины новой войны, заключавшиеся в самом Деулинском перемирии; оскорбительные для царя Михаила грамоты пограничных польских державцев. Поляки грозят самозванцем; турки побуждают царя к войне с Польшею.

Готовясь войне с Польшей, ожидаемой по окончанию срока Деулинского перемирия 1 июля 1633 года, московское правительство уделяло особое внимание модернизации армии с помощью иностранных специалистов и укреплению ее личного состава иностранными солдатами. Среди вновь поступивших на царскую службу иностранных офицеров были поляки, литовцы, шотландцы, англичане, ирландцы, германцы, датчане, греки, сербы и румыны. Формирование первых двух русских полков иноземного строя было начато в апреле 1630 года. Выдающимся офицером, кому было доверено формирование первых полков нового типа, оказался шотландец - полковник Александр Лесли. Из личного письма «бельского немца», соратника и соседа по имениям Георга Лермонта – Яна Вуда, следует, что «бельские немцы» были хорошо знакомы со своим земляком Александром Лесли (Скобелкин О.В. «Письма служилых иноземцев эпохи Смуты»). Поэтому вполне закономерно, что в это же время были призваны иноземцы старого въезда. Вместе с новыми они должны были стать начальниками и учителями (инструкторами) вновь формируемых полков. К августу 1632 года русское правительство имело уже 4 полностью укомплектованных и обученных солдатских полка, выступивших под Смоленск с армией Михаила Шеина.

В Москве полным ходом шло обучение еще двух солдатских полков. В том же году началось создание первого в России рейтарского полка под руководством полковника Шарля Самуила де Эберта («Энциклопедический словарь» издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон: рейтары (от нем. Reiter, всадник) - наемные конные полки. В конце XVII столетия они составляли лучшую и наиболее многочисленную часть кавалерии. В России рейтары принадлежали к войскам иноземного строя. Первый копейно-рейтарский полк был сформирован в 1632 г.; 2/3 личного состава были русские, 1/3 - иностранные инструкторы).

В составе рейтарских полков лучшие дворяне обучались ратному строю для занятия командных должностей. «Русские началные люди бывают у рейтар: столники и дворяне, и жилцы, ученые люди иноземских же полков из рейтар и из началных людей» (Волков В.А. «Войны м Войска Московского Государства (конец XV– первая половина XVII вв.)», Москва, 2004). Главное требование к офицерам состояло в хорошем знании характера и условий службы, умении обучить ей будущих подчиненных. 23 июня 1632 года полковник Шарл Самуил де Эберт подал князю Ивану Борисовичу Черкасскому список инструкторов вновь создаваемого рейтарского полка «нового типа». Одним из таких инструкторов был выбран Георг Лермонт, представленный князю Ивану Борисовичу Черкасскому капитаном (ротмистром) и получивший жалованье в соответствии с чином и окладом 100 рублей на месяц. Оклады начальных людей полков рейтарского строя были выше окладов военнослужащих полков солдатского строя. В годы Смоленской войны 1632-1635 годов подполковник получал 100 рублей оклада в месяц. Судя по окладам статус Георга Лермонта, как инструктора рейтарского полка, приравнивался к статусу подполковника. Рейтарский полк по указу имел 2000 ратных людей и делился на 12 рот по 167 человек в каждой. Логично предположить, что в соответствии с воинским званием Георг Лермонт командовал рейтарской ротой. Под началом ротных капитанов находились: поручик, прапорщик, три сержанта (пятидесятника), квартирмейстер (окольничий), каптенармус (дозорщик над ружьем), шесть капралов (есаулов), лекарь, подъячий, два толмача, три барабанщика и 200 рядовых солдат, из них 120 пищальников (мушкетеров) и 80 копейщиков. Военнослужащие конных полков «нового строя» (солдаты, рейтары и драгуны) имели в качестве уставного

защитного вооружения единообразные стальные латы в виде «досок» к поясу которых с помощью железных крюков крепились пластинчатые (у рейтар) или чешуйчатые (у солдат) полки, защищавшие живот воина. Солдатские латы отличались от рейтарских также формой пол. На них не было характерного выреза, облегчавшего кавалеристу посадку в седле. Дополняли эти доспехи стальные ожерелья (ошейники), оплечники и «железные шапки» (шишаки), имевшие низкий гребень, прямые и узкие поля, позволявшие без особых помех брать на плечо мушкет, целиться и стрелять из него. Объясняя необходимость ношения мушкетерами шишаков, Вальгаузен писал, что они защищают солдата «не одно что от посеку, но и на приступах от камения и от горячей воды и от иных мер»». Такие шлемы должны были иметь «у наушков завяски, чем тот шишак под бородою привязывати, чтобы шишак з головы не спал». Рейтарские шишаки имели чешуйчатые наушники. Полные латы требовались копейщикам (пикинерам). Однако их старались изготовлять нетяжелыми, чтобы не обременять солдат. Пикинерам также выдавали шлемы «от посеку, и от камени, и от стрелы, и от иных не згод». Солдатские латы вводятся в России при учреждении полков «нового строя» накануне русско-польской войны 1632-1634 гг. Стоимость лат и шишаков, изготовленных на предприятиях Петра Марселиса, составляла в середине XVII в. 2 руб (Марселис Петр Гаврилович (? -1672 гг.), промышленник, инженер, сын купца. В России проживал с 1629 г.; реконструировал металлургические заводы в Туле, основал 4 новых завода в Каширском уезде и других районах России; вел поиски железных и медных руд).

Таким образом, мы вполне можем представить и обязанности и внешний Георга Лермонта – капитана рейтарской роты в 1632 году.

Интересно отметить, что в это же время в мае 1632 года среди новых наемных иноземцем в полку Якуба Вильсона числился прапорщиком Томас Лермонт. К сожалению ни В. Сторожеву (1884) , ни проф. Д. Федосову (1996, Steve Murdoch database, ID:2911), ни мне не удалось найти документов подтверждающих, что оба Лермонта были знакомы. Личность Томаса Лермонта однако можно установить. Он, по всей вероятности, был сыном Елизабет Миртон и Джона Лермонта, владдельца замка Бэлкоми в графстве Файф. Мы полагаем, что Томас Лермонт был братом Георга Лермонта и воспользовался оказией в Москву, чтобы найти\увидеть своего брата (Молчанова Т.П., Лермонт Р. «Лермонты-Лермонтовы 1057-2007», Москва, 2008).

С 1632 года до конца Смоленской войны правительство сформировало 10 полков новой организации общей численностью до 17 тысяч человек. Георг Лермонт по роду службы принадлежал к служивым иноземцем с поместным окладом, поэтому выступал в войне в основном ратном войске – коннице. 7 сентября 1632 года 30-тысячная армия под командованием боярина Михаила Борисовича Шеина осадила Смоленск. Однако затянувшаяся на 8 месяцев осада не позволила нашей стране воспользоваться той благоприятной для неё внешнеполитической ситуацией, которая сложилась к началу компании. В течение нескольких месяцев обстановка коренным образом изменилась: кончился период бескоролевья в Польше; новый польский король Владислав IV двинул войска под Смоленск и перерезал коммуникации армии Шеина М.Б. с тылами. Битва за Смоленск была долгой, изматывающей с огромными потерями с русской стороны. Всего вышло из-под Смоленска с Шеиным 8056 человек, из этого числа многие повезены

больные и в дороге умерли, другие оставлены в Дорогобуже, Вязьме и Можайске. Больных осталось под Смоленском 2004 человека. Однако Владислав не сумел достичь коренного перелома в войне. Согласно «Вечному докончанию» , т.е. мирному договору, заключенному на р. Поляновке, Смоленская и Чернигово-Северская земли остались у Польши, Владислав отказался от претензий на Московский престол, признав царем Михаила Федоровича (1634 г.).

Георг Лермонт погиб во второй Смоленской войне, отважно защищая русскую землю. Точная дата его смерти не известна и её относят к концу 1633 – началу 1634 года. В память о Георге Лермонте и других представителях рода Лермонтовых, захороненных у стен Чухломского Авраамиева монастыря, представители международной ассоциации «Лермонтовское наследие» в 1991 году построили на территории монастыря деревянную часовню по архитектурному проекту Михаила Александровича Лермонтова.

Подробно описывая шотландца на русской службе Георга Лермонта – основателя рода Лермонтовых, хотелось бы, чтобы перед читателями предстал не формальный образ, а живая личность. Молодой шотландец из дворянской семьи Лермонтов, в трудные времена борьбы католиков и протестантов в Шотландии в начале 1600-х годов, покинул родину в поисках приключений и заработка. Его братья и родственники в 1600 годах уже служили в наемных войсках в Европе и это была почетная и престижная служба, так говорили в семье. Так почему же и Георгу не попробовать своего счастья, тем более, что протекцию ему мог составить его дядя, уже тогда известный дипломат и военный Джеймс Спенс, находящийся на службе в Швеции. Нанявшись в шведскую армию Георг Лермонт очень быстро оказался в войсках сражавшихся на стороне России против Польши. Такова была политика Швеции – поддерживать Россию в войне против католической и сильной Речи Посполитой. Георгу Лермонту понравился русский народ, приветливый и добрый, отчаянно и храбро сражавшийся за свое отечество. Но неудачная для русских и шведов битва под Клушиным в 1610 году на некоторое время изменила судьбу Георга Лермонта – по молодости и неопытности он попал в плен к полякам. Будучи наемным солдатом Лермонт честно воевал в польском войске. Но судьба неотступно направляла его в Россию. В 1613 году, в крепости Белая под Смоленском, Георг Лермонт и вся шотландская рота без упорного боя переходят на сторону русских войск. Выбор был сделан в пользу России. Как всякого молодого человека, шотландца Георга Лермонта привлекало все новое и необычное, а Россия тем более, она ведь была почти неизвестна западным жителям. В России в тот 1613 год был выбран молодой царь, почти ровесник Лермонта, свободным изъявлением народа, можно было ожидать преобразования и новые порядки. Россия приняла их, иностранцев, приветливо и сразу определила на военную службу и положила жалованье. Русский народ Георг уже успел полюбить. Россия была огромная страна с неизведанными землями и богатством, где можно было получить земли и завести собственное хозяйство. Военная служба уже стала привычной для Георга Лермонта, а грамотность, честность и ответственность ему были привиты с детства. Георг Лермонт быстро делает военную карьеру, успешно и умело продвигаясь по службе. Военный профессионализм, отвага и преданность русскому государю выдвигают Лермонта в самые ответственные боевые сражения, среди них битва за Москву в 1618 году стала кульминационной. К этому времени Лермонт уже зрелый муж, способный принять решение – перейти в российское подданство, которое определило его

последующую жизнь и судьбу рода Лермонтовых. Свои первые помещичьи земли Лермонт получает в тогда престижном Костромском крае, с которым связано у молодого российское царя Михаила Федоровича Романова и его матери Марфы Ивановны много родовых отношений и сентиментальных воспоминаний. Поместье Лермонт получает большое, земли хорошие, лугов достаточно, лес богат пушниной, да рыбы в Чухломском озере в избытке. Народ, хоть и измучен войной и разорением, но трудолюбивый и охоч до плотничества, избы строит крепкие с узорами да выдумкой. Прагматичность и доброжелательность Лермонта быстро помогли ему наладить быт на новом месте. Крестьяне споро работали на нового хозяина и не чуждались его иноземного происхождения. За шесть лет (1621-1628) число крестьян в поместье Лермонта возросло вдвое. Дом отстроили с новой русской женой, дочкой обзавелись. Да и старшие трое сыновей при деле, любит их Екатерина Федоровна. Скоро новый храм в Авраамиевом монастыре закончат и освящать будут. Нравились Лермонту русские церкви своей теплотой и необыкновенной святостью. Совсем русским человеком становился шотландский Джордж Лермонт. Эх, если бы не служба, да не война за отечество – жить бы и добра наживать. Но служба – это долг перед государем и новым отечеством. И скоро государь оценил по достоинству своего нового подданного, доверив ему обучение ратному делу русских людей. Лермонт был горд вновь в 1630 году оказаться на службе, да еще вместе со своими соотечественниками и уже прославленным полковником Александром Лесли, тоже шотландцем. Поместное хозяйство Лермонта было настолько справно, что он не волновался за жену с детьми. Сам он пришел на службу в полном обмундировании, с лошадьми и дворовыми, как полагалось по закону. Большое дело для России делали выходцы из Шотландии – поднимали военное мастерство и строевой порядок российского войска. За такую службу им хорошо платили и уважали. Проверенные делом связи Георга Лермонта с воеводами, князьями, да с боярами, его личная доблесть, воинская честь и профессионализм на долгие годы укрепили имя Лермонтов, а потом Лермонтовых, в ряду блестящих военных в России.